

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ

И

ПСИХОЛОГИИ

ЖУРНАЛЪ,

Богданов А.А.

Психический подбор (Эмпириомонизм в учении о психике).

Вопросы философии и психологии. М., 1904.

№ 3 (73). С. 335-379;

№ 4 (74). С. 485-519

МОСКВА.

Типо-литографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К^о.
Пименовская ул., соб. домъ.

Фрш $\frac{20-87}{103}$

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПРИ СОДѢЙСТВІИ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ФИЛОСОФСКАГО ОБЩЕСТВА.

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ

И

ПСИХОЛОГІИ

ЖУРНАЛЪ,

основанный проф. Н. Я. Гротомъ и А. А. Абрикосовымъ.

ГОДЪ XV.

Подъ редакціей кн. С. Н. Трубецкого и Л. М. Лопатина.

Книга III (73).

МАЙ — ІЮНЬ 1904 г.

МОСКВА.

Типо-литографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К^о.
Пименовская ул., соб. домъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Обоснованіе мистическаго эмпиризма. Н. Лосскаго	197
Философскіе взгляды Эрнста Маха. Давида Викторова	229
—————	
Основы энергетическаго міросозерпанія. (W. Ostwald, Vorlesungen ueber Naturphilosophie. - Leipzig, 1902). В. Воробьева	289
Психопатологическій методъ въ русской литературной критикѣ. Посвящается памяти Н. К. Михайловскаго. М. Шайкевича	309
Психическій подборъ. (Эмпириомонизмъ въ ученіи о психикѣ). А. Богданова	335
О реалистическомъ міровоззрѣніи. (Нѣсколько словъ по поводу выхода въ свѣтъ сборника «Очерки реалистическаго міровоззрѣнія. С.-Петербургъ, 1904). Сергѣя Булгакова	380

Критика и библиографія.

I. Обзоръ книгъ.

Vaumann S. Deutsche und ausserdeutsche Philosophie der letzten Jahrzehnte dargestellt und beurteilt. Ein Buch zur Orientirung auch für Gebildete. Gotha, 1903. VIII+533. Н. Виноградова	404
---	-----

- Zu Kants Gedaechniss.** Zwölf Festgaben zu seinem 100-jährigen Todestage von O. Liebmann, W. Windelband, F. Paulsen, A. Riehl, E. Kühnemann, E. Troeltsch, F. Heman, F. Staudinger, G. Runze, B. Bauch, F. A. Schmid, E. v. Aster, herausgegeben von H. Vaihinger und B. Bauch. Mit vier Beilagen. Berlin. Verlag von Reuther v. Reichard 1904. S. 350. **Г. Шпетта** 406
- II. Библиографическій листокъ.
- III. Обзоръ журналовъ.
- Revue philosophique** 1903-году №№ 1—8. **В. Волковичъ**
и **З. Столица** 420
- Rivista filosofica** май—декабрь 1903. **Н. К. Вальденбергъ** . 429
- Психологическое Общество.** (Отчетъ о соединенномъ засѣданіи Московскаго Психологическаго Общества и Общества Невропатологовъ и Психіатровъ, состоящаго при Московскомъ Университетѣ. Докладъ Соединенной комиссіи Психологическаго Общества и Общества невропатологовъ и психіатровъ по вопросамъ, представленнымъ на ихъ разрѣшеніе постояннымъ Бюро съѣздовъ представителей русскихъ исправительныхъ заведеній, принятый въ соединенномъ засѣданіи обоихъ Обществъ 28-го февраля 1904 года 434
- Объявленія.**

Психическій подборъ.

(Эмпириомонизмъ въ ученіи о психикѣ.)

Поставленная нами задача заключается въ томъ, чтобы показать, въ какомъ направленіи должно развиваться психическое изслѣдованіе, если въ основу его будетъ сознательно положена идея *принципіальнаго единства опыта*. Не желая безъ необходимости повторяться, мы не станемъ заново выяснять въ подробностяхъ свое пониманіе этой «эмпириомонистической» идеи, которое мы формулировали въ предыдущихъ своихъ работахъ ¹⁾; мы приведемъ только тѣ основныя и общія положенія, къ которымъ сводится для насъ ея содержаніе въ сферѣ опыта въ его цѣломъ и въ сферѣ жизненныхъ явленій въ частности.

1. Принципіальный дуализмъ опыта недопустимъ, такъ какъ, при всемъ разнообразіи его элементовъ, элементы эти и въ сферѣ «физическаго», и въ сферѣ «психическаго» опыта *одни и тѣ же, сами по себѣ не физическіе и не психическіе*, а стоящіе внѣ этихъ опредѣленій (положеніе, опредѣленно высказанное и выясненное эмпириокритицистами).

2. «Физическое» и «психическое» представляютъ два различныхъ способа группировки элементовъ опыта, два типа его координаціи, его «организациіи»: «психическое» есть опытъ, организованный *индивидуально*, «физическое» — опытъ, организованный *соціально* (первое положеніе эмпириомонизма).

3. Всякому *объективному* жизненному процессу (физиологическому) соотвѣтствуетъ параллельный *субъективный* жизненный

¹⁾ «Идеаль познанія» (Эмпириокритицизмъ и эмпириомонизмъ) — «Вопр. фил. и псих.» 1903, 3—4; «Жизнь и психика» (Эмпириомонизмъ въ ученіи о жизни), — тамъ же, 9—10 и 11—12. Отчасти также — «Познаніе съ историч. точки зрѣнія», Спб., 1901.

процессъ (ассоціативно протекающія «переживанія»). Этотъ параллелизмъ слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что «физиологическій процессъ» жизни есть отраженіе комплекса субъективныхъ переживаній въ социальномъ-организованномъ опытѣ живыхъ существъ (второе положеніе эмпириомонизма).

4. Прогрессивное развитіе познанія должно вести къ гармонически-цѣлостной, монистической организациі опыта, ближайшимъ выраженіемъ которой является *органическое единство познавательныхъ методовъ*. Оно достигается путемъ подчиненія «субъективнаго» въ опытѣ—«объективному», путемъ примѣненія къ опыту индивидуально-организованному (психическому) приѣмовъ, выработанныхъ въ сферѣ социально-организованнаго (физическаго) опыта. Для нашего времени высшимъ проявленіемъ этой тенденціи представляется *идея всеобщности закона сохранения энергіи* (ученіе, выставленное въ философіи энергетической школой).

Эти основныя идеи послужать для насъ исходной точкой при изслѣдованіи общей закономерности психической жизни и психическаго развитія.

А. Основы метода.

1. Схема психо-энергетики.

I.

Задача нашего изслѣдованія цѣликомъ сводится къ *вопросамъ метода*; и потому будетъ вполне естественно начать съ выясненія и анализа самаго общаго методологическаго принципа, которымъ мы будемъ руководиться. Это, какъ мы сказали, принципъ энергетики; а въ сферѣ специально психическаго опыта, о которомъ теперь идетъ дѣло, это — идея *психо-энергетическаго метода*. Итакъ, что же она ближайшимъ образомъ означаетъ?

Понятіе «энергіи» служитъ познанію для того, чтобы представить всѣ явленія какъ *соизмѣримыя*. Оно слагается изъ двухъ элементовъ: во-первыхъ, представленіе объ *измѣримости* всѣхъ явленій,—всѣ явленія разсматриваются какъ «величины»; во-вторыхъ, представленіе объ ихъ всеобщей *эквивалентности*,—признается, что въ непрерывной смѣнѣ явленій одни замѣщаются другими сообразно опредѣленнымъ и постояннымъ количествен-

нымъ отношеніямъ. Таково содержаніе этого понятія, выработанное въ сферѣ «естественныхъ наукъ» научнымъ синтезомъ и научной критикой. Его требуется примѣнить къ «психическимъ» явленіямъ.

Прежде всего приходится задать вопросъ: измѣримы ли психическія явленія? Хотя методы ихъ измѣренія могутъ быть въ данное время очень мало выработаны, несовершенны, приближительны, недостаточны, но принципиальный отвѣтъ на вопросъ этимъ не измѣняется: психическія явленія измѣримы; это *величины*. Поскольку они выступаютъ въ психическомъ полѣ съ большей или меньшей «силой», они представляютъ величины «интенсивныя»; поскольку они могутъ присоединяться одни къ другимъ, создавая большую или меньшую полноту жизни сознанія, это величины экстенсивныя. Къ этимъ двумъ формамъ количественнаго сравненія фактовъ сознанія сводится и всякое «объективное» измѣреніе физическихъ тѣлъ и процессовъ: актъ «измѣренія» есть всегда *психическая дѣятельность*, матеріаль которой—данныя *психическаго* опыта. Если бы эти данныя не имѣли характера величинъ, то вообще никакое измѣреніе не было бы возможно.

Съ этой точки зрѣнія, въ очень многихъ случаяхъ, когда познанію не удастся выразить данное психическое явленіе *вполнѣ* опредѣленной величиной энергіи, существуетъ тѣмъ не менѣе возможность *относительнаго* опредѣленія величины: можно наблюдать «возрастаніе» или «уменьшеніе» энергіи этого психическаго явленія. Всего проще тотъ случай, когда дѣло идетъ объ «одномъ и томъ же» психическомъ явленіи, которое, однако, «измѣняется»; напр., если данный образъ въ сознаніи блѣднѣетъ, теряя свою интенсивность, или если онъ утрачиваетъ нѣкоторые изъ своихъ элементовъ, становясь, такъ сказать, менѣе полнымъ, то мы имѣемъ основаніе говорить объ уменьшеніи энергіи этого психическаго образа; въ случаяхъ противоположнаго характера слѣдуетъ признавать возрастаніе энергіи, и т. д. Но и тогда, когда въ психикѣ смѣняются различные образы сознаніе обыкновенно отмѣчаетъ ихъ относительно большую или относительно меньшую энергію; человѣкъ высказывается въ томъ смыслѣ, что дѣятельность его сознанія становится болѣе энергичной или менѣе энергичной.—Все это отнюдь не простыя аналогіи, такъ какъ въ подобныхъ высказываньяхъ съ полною

ясностью обнаруживается измѣримость и соизмѣримость психическихъ процессовъ, т.-е. черты, создающія почву для энергетической концепціи этихъ процессовъ.

Было бы въ высшей степени ошибочно придавать особенное, рѣшающее значеніе тому факту, что всѣ непосредственныя «измѣренія» и «соизмѣренія» психическихъ процессовъ отличаются крайней приблизительностью и неточностью, и отрицать на этомъ основаніи энергетическое пониманіе психики. Кто знакомъ съ фактическими примѣненіями энергетики въ естественныхъ наукахъ, тому хорошо извѣстно, какъ далеко простирается ея научное значеніе и за предѣлами точныхъ измѣреній, тамъ, гдѣ они технически не удаются. Область дѣйствительно точныхъ измѣреній, въ сущности, очень узка; но и при ихъ отсутствіи энергетическая точка зрѣнія въ массѣ случаевъ приводитъ къ научно-важнымъ выводамъ. Очень часто—едва ли не въ большинствѣ случаевъ—она даже *создаетъ* возможность технически-точного измѣренія явленій, позволяя вмѣсто однихъ, трудно измѣримыхъ, подставлять другія, легко поддающіяся измѣренію. Это, какъ увидимъ, относится и къ сферѣ психического опыта.

II.

Если вопросъ объ измѣримости психическихъ процессовъ не представляетъ никакихъ принципиальныхъ затрудненій, то вопросъ объ ихъ *эквивалентности* уже гораздо сложнѣе. Прежде всего тутъ приходится выяснить, слѣдуетъ ли принимать эквивалентность для психическихъ явленій только съ психическими или также и съ физическими. Последнее можетъ казаться сомнительнымъ особенно потому, что форма связи явленій въ опытѣ физическомъ и въ опытѣ психическомъ очень различна.

Энергетическая эквивалентность выражаетъ идею всеобщей *непрерывности* явленій, которая требуетъ, чтобы съ устраненіемъ изъ опыта одного комплекса элементовъ выступалъ другой, связанный съ нимъ опредѣленнымъ количественнымъ отношеніемъ. Но психическій опытъ, взятый въ его непосредственной формѣ, есть область *прерывающихся* отношеній: въ глубокомъ снѣ, обморокѣ, смерти теченіе психического опыта временно или окончательно прекращается, въ различныхъ фазахъ сознательной жизни оно рѣзко измѣняется какъ по интенсивности,

такъ и по экстенсивности переживаній. Ясно, что идея эквивалентности, примѣненная къ непосредственному психическому опыту въ отдѣльности, создала бы только рядъ противорѣчій. Слѣдовательно, идея эта можетъ получить реальный смыслъ только по отношенію къ болѣе широкой сферѣ явленій, чѣмъ одинъ психическій опытъ,—по отношенію къ опыту въ его цѣломъ, міру физическому и психическому вмѣстѣ. Между тѣмъ физическій опытъ уже *самъ по себѣ* характеризуется непрерывностью; присоединить къ его эквивалентнымъ замѣщеніямъ процессы психического ряда, процессы прерывающіеся, значило бы, повидимому, только нарушить его собственную непрерывность. Получается такая дилемма: либо отказаться отъ психо-энергетики, либо допустить нарушеніе непрерывности физического опыта. Большинство философовъ принимаетъ первое рѣшеніе, приходя къ безнадежному дуализму метода ¹⁾. Принять же второе—значить, превратить физическій опытъ въ нѣчто фантастическое, отнявши у него основную его черту, его «конститутивный признакъ»—непрерывность. Оба рѣшенія мало утѣшительны.

Къ счастью, эмпириомонизмъ не связанъ самой дилеммой,—онъ въ силахъ устранить ее, выйдя за ея предѣлы. Онъ даетъ возможность энергетически познавать психику, не нарушая энергетической непрерывности физического опыта. Какимъ образомъ достигается онъ этого?

Между «психическими» и «физиологическими» явленіями жизни существуетъ опредѣленный параллелизмъ, точнѣе—опредѣленная функциональная зависимость. Но тамъ, гдѣ между различными рядами элементовъ опыта имѣется такая зависимость, самые эти ряды представляютъ не различные объекты для познанія, а *одинъ объектъ* ²⁾. Психическое явленіе и соотвѣтственный физиологическій процессъ слѣдуетъ считать не различными энергетическими величинами, а одной и той же величиной. Это—различные способы воспріятія процесса жизни, и они такъ же мало могутъ быть разъединены энергетически, какъ тѣло, воспри-

¹⁾ Къ этому сводятся такъ называемые «критическіе» аргументы противъ психо-энергетики, основанные на «законѣ сохраненія механической энергіи» (выраженіе А. Рилля), т. е. на непрерывности физического опыта.

²⁾ Здѣсь не приходится повторять обосновку этого положенія. Она дана въ ст. «Идеаль познанія», *Вопр. фил. и псих.*, 1903, 3—4, стр. 223—229.

нимаемое путемъ зрѣнія, и то же самое тѣло, воспринимаемое путемъ осязанія. «Параллелизмъ» обѣихъ «сторонъ» жизненнаго процесса здѣсь такой же, какъ параллелизмъ оптическаго и тактильнаго ряда элементовъ, образующихъ опредѣленное «физическое тѣло»; и здѣсь и тамъ законъ сохраненія энергіи отвлекается отъ разнообразія элементовъ, опираясь на *единство отношеній*.

Все это становится особенно простымъ и понятнымъ съ точки зрѣнія «второго эмпириомонистическаго положенія». Положеніе это устанавливаетъ всеобщій параллелизмъ «жизни физиологической» и «непосредственныхъ переживаній» и сводитъ этотъ параллелизмъ къ отношенію между «отражаемымъ» и «отраженіемъ». Если физиологическій процессъ есть отраженіе «непосредственныхъ переживаній, именно, отраженіе ихъ въ социальномъ организованномъ опытѣ живыхъ существъ, то очевидно, что создавать изъ того и другого отдѣльные объекты для монистическаго познанія не имѣетъ никакого смысла: это было бы все равно, что считать за отдѣльные объекты познанія планету, наблюдаемую прямо глазомъ, и ту же планету, видимую при посредствѣ вогнутаго зеркала рефлектора.

Такимъ образомъ, мы всегда имѣемъ право и основаніе замѣнять въ энергетическомъ изслѣдованіи психическій процессъ его физиологическимъ отраженіемъ, и наоборотъ, смотря по тому, что изъ двухъ для насъ доступнѣе и удобнѣе; на примѣръ, когда не выясненъ физиологическій процессъ, но легко наблюдается соотвѣтственный психическій, лучше подставить второй вмѣсто перваго; когда психическій процессъ не поддается измѣренію, можно попытаться измѣрить вмѣсто него физиологическій.

III.

Опредѣлимъ теперь отчетливѣе размѣры и предѣлы той области, лежащей *внѣ* физическаго опыта, на которую мы считаемъ возможнымъ распространить познавательные приемы энергетики.

Для каждаго человѣка, кромѣ его собственнаго непосредственно-психическаго опыта, существуетъ также психическій опытъ другихъ людей и вообще другихъ живыхъ существъ. Этотъ чужой опытъ конструируется на основаніи высказываній. Воспроизводя чужое «сознаніе», психика дѣйствуетъ по типу

фонографа. Воспринятія вами высказыванія другихъ людей представляютъ своеобразное «отраженіе» ихъ переживаній, отраженіе очень «непохожее», но функционально-зависимое отъ «отражаемаго», — точно такъ же какъ черточки на валикѣ фонографа «непохожи» на отразившуюся въ нихъ мелодію, но функционально зависимы отъ ея строенія. И какъ эти черточки при движеніи фонографа служатъ исходной точкой «воспроизведенія» мелодіи, т.-е. собственно *второго ея отраженія*, болѣе съ ней сходнаго, чѣмъ первое, такъ чужія высказыванія при ассоціативной дѣятельности сознанія служатъ исходной точкой «воспроизведенія» чужихъ переживаній, т.-е. второго ихъ отраженія, болѣе съ ними сходнаго, чѣмъ первое. Чужой психическій опытъ въ нашемъ познаніи есть *отраженное отраженіе* непосредственныхъ переживаній другихъ существъ.

Но область непосредственныхъ переживаній, связанныхъ съ жизнью даннаго организма, не ограничивается собственно «психическимъ опытомъ», т.-е. той *организованной системой* переживаній, которая «непосредственно извѣстна» данному существу. Такъ называемыя «безсознательныя высказыванія» показываютъ, что внѣ этой системы существуютъ—въ какой-то связи съ нею—многочисленныя мелкія координаціи, складывающіяся по тому же «психическому», т.-е. ассоціативному типу. Дальнѣйшее выясненіе вопроса приводитъ къ тому выводу, что стройная и гармоническая концепція опыта возможна только въ томъ случаѣ, если мы за всякой фізіологической организаціей жизни будемъ признавать «ассоціативную» организацію переживаній—если признаемъ полный параллелизмъ жизни въ «объективныхъ» и «субъективныхъ» ея проявленіяхъ ¹⁾. Другими словами, всякій «фізіологическій» процессъ долженъ разсматриваться, какъ обнаруженіе, «высказываніе» ассоціативныхъ комплексовъ (мы назвали бы ихъ «психическими», если бы съ этимъ терминомъ не соединялось обыкновенно представленіе объ извѣстной *сложности* переживаній).

Не слѣдуетъ ли распространить этотъ принципъ, кромѣ живой природы, также на всю «мертвую», неорганическую? Для послѣдовательнаго монистическаго мышленія это неизбѣжно, но только какъ познавательная тенденція; конкретно же осуществить ее мы въ настоящее время *почти* не въ силахъ. Фо-

¹⁾ См. „Жизнь и психика“ (эмпириомонизмъ въ ученіи о жизни), „Вопр. фил. и псих.“, 1903, 9—10.

нографъ только тогда можетъ правильно воспроизвести мелодію, когда игла его движется въ средѣ, достаточно сходной съ тою, въ которой мелодія была воспринята (т.-е. съ атмосферою). Помѣстите фонографъ въ воду или въ безвоздушное пространство—и воспроизведеніе записанныхъ фонографомъ мелодій въ прежней ихъ формѣ не удастся ни въ какомъ случаѣ. То же относится и къ «фонографической» дѣятельности психики. Наша психика тѣмъ менѣе точно возсоздаетъ переживанія другого существа, чѣмъ менѣе сходна она съ психикою этого существа: несходство психической среды переживаній препятствуетъ «пониманію» чужихъ высказываній. Намъ удастся еще до известной степени воспроизводить въ своей психикѣ различныя переживанія высшихъ животныхъ, и это познавательно-полезно, такъ какъ помогаетъ намъ предвидѣть ихъ дѣйствія. Но уже по отношенію къ низшимъ животнымъ сравнительно рѣдко удастся стать на точку зрѣнія ихъ психики; обыкновенно мы не «понимаемъ» ихъ высказываній настолько, чтобы предвидѣть что-либо на этомъ основаніи. Такимъ образомъ уже здѣсь чаще приходится подставлять «физиологическое» вмѣсто «психическаго», чѣмъ наоборотъ. По отношенію къ растеніямъ самое понятіе «высказываній» становится почти бесполезнымъ; гѣмъ болѣе бесполезно оно по отношенію къ неорганическому міру. Ассоціативные комплексы — это комплексы, определеннымъ образомъ *организованные*; какимъ образомъ можемъ мы ихъ подставить подъ неорганическія явленія, въ которыхъ не находимъ организованности? Хаосъ элементовъ — вотъ что представляетъ неорганическій міръ «въ самомъ себѣ».

Первобытный анимистъ и современный поэтъ отнюдь не выходятъ за предѣлы законныхъ пріемовъ познавательнаго творчества, когда они «одушевляютъ» всю природу. Но научное познаніе изъ безчисленныхъ примѣненій этихъ пріемовъ выбираетъ только то, что можетъ послужить къ расширенію человѣческаго «предвидѣнія», т.-е. въ концѣ-концовъ къ возрастанію власти чело-вѣка надъ природою.

2. Схема психического подбора.

I.

Философское изслѣдованіе психическаго міра ставитъ своей задачей выработку *объединяющей* точки зрѣнія на всѣ различныя

процессы, протекающіе въ этой области. Такимъ образомъ, разложеніе психическаго опыта на его элементы здѣсь можетъ имѣть значеніе только подготовительной работы, но не болѣе: собственно философское изслѣдованіе начинается тамъ, гдѣ выясняется отношеніе этихъ элементовъ къ психическому *цѣлому*, гдѣ рѣшается вопросъ о томъ, какимъ способомъ координируются они въ психическую систему, какъ *организуется психика*.

Подчиняя психическій міръ всеобщему принципу энергетики, мы сразу получаемъ первую чисто количественную постановку вопроса, который только что формулировали. Въ этой постановкѣ его слѣдуетъ выразить такъ: въ какомъ отношеніи находятся отдѣльныя переживанія и ихъ элементы, взятые какъ величины, и притомъ энергетическія, къ психической системѣ, какъ интегральной энергетической величинѣ? И сразу же получается первый и самый общій отвѣтъ, вытекающій изъ самаго понятія о величинѣ; онъ будетъ, очевидно, такой: для психическаго цѣлаго отдѣльныя переживанія и ихъ элементы могутъ являться положительными или отрицательными величинами, увеличивающими или уменьшающими сумму энергіи этого цѣлаго ¹⁾.

Въ эту отвлеченную формулу данныя біомеханики и психологіи позволяютъ сразу же вложить болѣе конкретное психическое содержаніе. Возрастаніе и уменьшеніе энергіи психической системы тождественно съ *непосредственнымъ возрастаніемъ и уменьшеніемъ ея жизнеспособности*; а колебанія непосредственной жизнеспособности выражаются психически въ чувствованіяхъ удовольствія и страданія, въ такъ называемомъ «аффеціоналѣ». Энергетическая формула превращается въ психологическую: положительный аффеціоналъ переживанія (удовольствіе) познавательно

¹⁾ Читатель, знакомый съ математикой, замѣтитъ конечно, что въ этой концепціи послѣдніе элементы психики играютъ роль дифференціаловъ по отношенію къ ея цѣлому, какъ интегралу. И это отнюдь не просто аналогія, а законное математическое опредѣленіе данныхъ процессовъ, какъ измѣняющихся величинъ энергіи.

Но пусть читатель не опасается, что мы потащимъ его въ область псевдоматематической фантастики въ духѣ психологіи Гербарта. Энергетика съ ея строгими методологическими требованіями не даетъ простора для такихъ формъ творчества, если бы мы и пожелали ими заняться. Она прежде всего—методъ количественнаго описанія того, что дано *въ опытѣ*.

тождественъ съ возрастаніемъ энергіи психической системы, отрицательный (страданіе), съ уменьшеніемъ ¹⁾).

Итакъ, если человѣку «пріятно», напримѣръ, видѣть лицо *A* и «непріятно» видѣть лицо *B*, то это означаетъ, что одно переживаніе — воспріятіе *A*, — вступая въ систему психическаго опыта, увеличиваетъ сумму ея энергіи, тогда какъ другое переживаніе — воспріятіе *B* — уменьшаетъ эту сумму. *Всѣ* переживанія обладаютъ положительнымъ или отрицательнымъ аффекціоналомъ — «безразличный» аффекціональ есть только предѣльная величина того и другого; а потому *всѣ переживанія энергетически-соизмѣримы по ихъ отношенію къ психической системѣ*. Эта специальная форма ихъ соизмѣримости и послужитъ основой нашего изслѣдованія.

II.

«Пріятное есть то, къ чему стремятся, непріятное — то, чего избѣгаютъ», — формулу эту трудно назвать даже опредѣленіемъ, это — почти простая тавтологія. И однако ея жизненное значеніе громадно: къ ней, въ конечномъ счетѣ, сводятся всѣ принципы прикладной психологіи — педагогики, политики, морали, — всѣ методы юридическаго и нравственнаго воздѣйствія однихъ людей на другихъ.

Всякое психическое переживаніе — будетъ ли это волевой актъ, или воспріятіе, или представленіе, — разъ оно характеризуется окраской удовольствія, обнаруживаетъ тенденцію *упрочиться* въ данной психической системѣ, вытѣснить тѣ переживанія, которыя не имѣютъ такой окраски, — оно устраняется все съ бѣльшимъ сопротивленіемъ, удерживается и воспроизводится все легче. Это отражается и на всѣхъ другихъ переживаніяхъ, которыя ближайшимъ образомъ ассоціативно съ нимъ связаны — ихъ энергія и устойчивость также возрастаютъ. Окраска страданія обуславливаетъ противоположную тенденцію: уменьшеніе энергіи и устой-

¹⁾ Мы не можемъ повторять здѣсь всей обосновки этого положенія — она дана въ нашихъ работахъ: „Познаніе съ историч. точки зрѣнія“ (Спб., 1901), стр. 13—23, и „Жизнь и психика“ (Эмпириомонизмъ въ ученіи о жизни).

Наша точка зрѣнія въ данномъ вопросѣ далеко не совпадаетъ съ общераспространенными взглядами; но во всемъ существенномъ она соотвѣтствуетъ — при очень большой, конечно, разницѣ въ формѣ выраженія — воззрѣніямъ Б. Спинозы и Меуперт'а.

чивости тѣхъ переживаній, которыя ею обладаютъ, и всѣхъ тѣсно связанныхъ съ ними, возрастающую легкость ихъ устранения изъ психической системы. Эти двѣ тенденціи образуютъ своего рода «психическій подборъ» переживаній: въ смѣнѣ и въ повтореніяхъ переживаній тѣ изъ нихъ обнаруживаютъ относительно наибольшую жизнеспособность, которыя наиболѣе «пріятны»; наименьшая же свойственна тѣмъ, которыя наиболѣе «непріятны».

Такимъ образомъ, если политикъ старается въ психикѣ избирателей создать неразрывную связь между представленіемъ объ его программѣ и завѣдомо пріятнымъ представленіемъ объ извѣстныхъ практическихъ выгодахъ, онъ примѣняетъ принципъ психическаго подбора; если педагогъ стремится въ психикѣ школьника тѣсно ассоціировать представленіе о шалости съ завѣдомо непріятнымъ представленіемъ онаказаніи, онъ примѣняетъ принципъ психическаго подбора. Здѣсь лежитъ необходимое «а ргіогі» для всякаго планомѣрнаго воздѣйствія на людей, — такова практическая роль этого принципа. Но для насъ въ данный моментъ важно выяснить его теоретическое значеніе.

Фактъ психическаго подбора несомнѣненъ, или, выражаясь точнѣе, несомнѣнно, что громадная масса психическихъ фактовъ вполне укладывается въ рамки понятія «психическаго подбора», какъ оно нами установлено ¹⁾. Но мы ищемъ *эмпириомонистической* точки зрѣнія для психологіи, а потому для насъ возникаетъ вопросъ о томъ, вся или не вся область психическаго опыта должна быть подчинена этому своеобразному принципу, можетъ или не можетъ онъ стать всеобщимъ «а ргіогі» для психологическаго изслѣдованія. Это вопросъ о границахъ методологическаго значенія идеи психическаго подбора.

Чтобы отвѣтить на такой вопросъ, надо прежде всего самую идею психическаго подбора свести къ установленнымъ уже эмпи-

¹⁾ Терминъ „психическій подборъ“ примѣнялся и раньше, но въ иномъ значеніи: въ смыслѣ *естественнаго подбора психическихъ формъ*, какимъ бы путемъ подборъ этотъ ни происходилъ, стало быть — внѣ отношенія къ аффекціоналу. Но *этотъ* подборъ можно такъ и называть — естественнымъ подборомъ психическихъ формъ; свое же понятіе „психическаго подбора“ я предложилъ потому, что мнѣ кажется необходимымъ обособить эту своеобразную черту психическихъ процессовъ развитія. Въ дальнѣйшемъ читатель увидитъ, насколько это цѣлесообразно.

риомонистическимъ понятіямъ; надо, какъ обыкновенно выражаются, «объяснить» психическій подборъ, опредѣлить, «что» онъ такое, «какъ» и «почему» происходитъ.

Пока намъ извѣстно слѣдующее: психическимъ подборомъ мы назвали тенденцію къ жизненному усилению или ослабленію отдѣльныхъ переживаній въ зависимости отъ ихъ аффекціональной окраски въ полѣ сознанія — положительной (удовольствія) или отрицательной (страданія). Такимъ образомъ основныя особенности психическаго подбора сводятся къ двумъ фактамъ: во-1-хъ, онъ выступаетъ въ полѣ сознанія (непосредственнаго психическаго опыта), во-2-хъ, по направленію онъ зависитъ отъ аффекціонала. Что представляетъ изъ себя аффекціоналъ съ эмпириомонистической точки зрѣнія, это мы уже знаемъ: удовольствіе для познанія тождественно съ непосредственнымъ возрастаніемъ энергіи психической системы, страданіе — съ непосредственнымъ пониженіемъ. Теперь намъ слѣдуетъ остановиться на другой особенности психическаго подбора — на его отношеніи къ полю сознанія.

III.

«Сознаніе» и непосредственный психическій опытъ — тождественныя понятія. Существуетъ мнѣніе, что такъ какъ эти понятія выражаютъ то, что намъ «непосредственно извѣстно», а стало быть и наиболѣе извѣстно, то они вообще не подлежатъ опредѣленію и «объясненію». Это, конечно, невѣрно. Задача познанія — гармонически организовать опытъ, установить связь и зависимость его элементовъ и ихъ комбинацій; «опредѣленіе» и «объясненіе» такихъ комбинацій представляютъ изъ себя именно выраженіе этой связи и зависимости; изъ нея же ничто не можетъ быть выдѣлено, а потому *все* подлежитъ опредѣленію и объясненію. Такимъ образомъ, всякая область опыта должна быть опредѣлена и объяснена черезъ другія, то-есть точно отграничена отъ нихъ и въ то же время неразрывно связана съ ними установленной общей закономѣрностью.

Итакъ, что такое «сознаніе», какъ непосредственный психическій опытъ? Прежде всего, очевидно, что это нѣкоторая комбинація переживаній, принадлежащая къ опредѣленной психической системѣ, но, какъ мы знаемъ, отнюдь ея собою не исчерпывающая. Какая же именно комбинація? Ея основная характе-

ристика — специфически временная форма. Здѣсь содержаніе непрерывно измѣняется во времени, но не размѣщается въ пространство. И такъ какъ содержаніе для чисто временной связи даютъ только измѣненія, то «непосредственное сознание» есть прежде всего область измѣненій. Измѣненій чего? Очевидно, психической системы, которой принадлежитъ сознание. И дѣйствительно, каждое переживание, прошедшее черезъ поле сознанія, означаетъ нѣкоторое измѣненіе психической системы съ ея дальнѣйшими жизненными реакціями; измѣненіе это можетъ быть болѣе значительнымъ или менѣе значительнымъ, или хотя бы даже минимальнымъ, но оно всегда есть, и путемъ такихъ измѣненій совершается непрерывно приспособленіе системы къ ея средѣ. Въ какомъ же отношеніи между собою находятся эти измѣненія? Они взаимно координированы, взаимно объединены *ассоциативной* связью, которая дѣлаетъ изъ ряда переживаній одно «поле сознанія» и изъ такихъ непрерывно смѣняющихся полей одну нераздѣльную цѣпь психического опыта. Слѣдовательно, сознание по отношенію къ психической системѣ можно опредѣлить такъ: *это область координированныхъ измѣненій психической системы* (при чемъ формой ихъ координаціи является ассоциативная связь).

Дальнѣйшее выясненіе, изслѣдованіе характера ассоциативной координаціи, ея частныхъ формъ и т. д. для насъ въ данный моментъ не представляетъ необходимости. Пока достаточно просто констатировать: всякое данное поле сознанія можно разсматривать, какъ комплексъ одновременныхъ взаимно связанныхъ измѣненій психической системы. Въ опытѣ «поле сознанія» первоначально является какъ нѣкоторое недифференцированное цѣлое, и его разложеніе на отдѣльныя переживанія съ установленіемъ опредѣленной связи между ними есть уже актъ вторичнаго характера, актъ «познанія»; онъ превращаетъ единство неопредѣленное въ единство опредѣленное, но отнюдь его не устраняетъ.

Исходя изъ этого положенія, мы можемъ «объяснить» себѣ процессъ психического подбора, т.-е. представить его въ простой, монистической формулѣ.

IV.

«Поле сознанія» даннаго момента выражаетъ совокупность координированныхъ измѣненій, происходящихъ въ психической

системѣ. Энергетически—всѣ эти измѣненія соизмѣримы и взятыя въ суммѣ образуютъ опредѣленное возрастаніе или уменьшеніе энергіи психической системы. Но именно такое же значеніе имѣетъ и *аффекціональ*: удовольствіе соотвѣтствуетъ возрастанію энергіи системы, страданіе—уменьшенію. Что же изъ этого слѣдуетъ?

Пусть въ полѣ сознанія имѣется рядъ образовъ—зрительныхъ, двигательныхъ и т. д., при чемъ общій аффекціональ отрицательный (страданіе). Эти зрительныя, двигательныя и т. д. реакціи означаютъ опредѣленныя психическія *приспособленія*, существующія въ психической системѣ не только въ то время, когда они выступаютъ въ полѣ сознанія: это вполне доказывается тѣмъ, что данные образы время отъ времени вновь воспроизводятся въ сознаніи, слѣдовательно, не исчезаютъ окончательно изъ психики, когда исчезаютъ изъ непосредственнаго воспріятія ¹⁾. Такъ какъ поле сознанія есть область *измѣненій* психики, то очевидно, что выступленіе въ немъ данныхъ образовъ выражаетъ рядъ измѣненій, происходящихъ именно въ сферѣ тѣхъ непрерывно существующихъ психическихъ приспособленій, которымъ эти образы соотвѣтствуютъ. Какого же рода измѣненія? Это выясняетъ аффекціональ: если онъ отрицательный, то дѣло идетъ объ уменьшеніи энергіи психической системы, т.-е., очевидно, о пониженіи энергіи указанныхъ психическихъ приспособленій, — они составляютъ *область измѣненій*, стало быть происходящее уменьшеніе энергіи происходитъ за ихъ счетъ. Но пониженіе энергіи психическихъ приспособленій есть въ то же время уменьшеніе ихъ жизнеспособности; а оно и обозначается въ данномъ случаѣ, какъ «отрицательный психическій подборъ». Мы пришли, такимъ образомъ, къ почти тавтологической формулѣ: при отрицательномъ аффекціоналѣ (страданіи) имѣетъ мѣсто отрицательный психическій подборъ потому, что отрицательный аффекціональ выражаетъ пониженіе энергіи, а слѣдовательно и непосредственной жизнеспособности тѣхъ психическихъ приспособленій, которыя выступаютъ въ данномъ полѣ сознанія. То же самое, съ соотвѣстственными измѣненіями, относится, конечно, и къ положительному подбору при положительномъ аффекціоналѣ.

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ см. „Познаніе съ истор. точки зр.“, стр. 35—36 (нѣсколько иная терминологія).

Ребенокъ протягиваетъ ручку къ огню и получаетъ обжогъ, что и служитъ для него «урокомъ»—вотъ самый простой и типичный примѣръ психическаго подбора. Что при этомъ происходитъ въ психической системѣ? Сначала въ полѣ сознанія рядомъ съ зрительнымъ воспріятіемъ огня имѣется представленіе опредѣленной двигательной реакціи («хочу взять это»); оно имѣетъ положительную окраску (характеристика «пріятно»), т.-е. оно соединено съ возрастаніемъ энергіи психической системы; но возрастаніе это происходитъ въ сферѣ ея «координированныхъ измѣненій», въ той области приспособленій, которая соотвѣтствуетъ полю сознанія: повышается энергія зрительнаго воспріятія огня съ одной стороны, двигательнаго представленія хватательной реакціи—съ другой; воспріятіе огня становится ярче, отчетливѣе, богаче элементами—увеличиваются сила и ясность перцепціи; двигательное представленіе дѣлается интенсивнѣе и опредѣленнѣе—переходитъ въ «актъ воли», въ полную психомоторную реакцію. Но тутъ въ поле сознанія вступаетъ интенсивное тактильно-термическое раздраженіе, разрушительно дѣйствующее на психику: сразу обнаруживается значительный отрицательный аффекціональ («очень больно»). Поле сознанія, какъ область *координированныхъ* измѣненій, составляетъ одно цѣлое, и его общій отрицательный аффекціональ означаетъ паденіе энергіи всѣхъ психическихъ приспособленій, въ данный моментъ въ немъ представленныхъ. Въ результатѣ зрительное воспріятіе огня становится смутнымъ и неяснымъ («свѣта не взвидѣлъ»), хотя, конечно, не исчезаетъ, такъ какъ продолжается дѣйствіе его «внѣшней причины»—свѣтовыхъ волнъ на сѣтчатку; двигательная реакція «хватанія» *префривается*; а тактильно-термическое воспріятіе не можетъ исчезнуть вслѣдствіе продолжающагося «внѣшняго раздраженія», но подобно зрительному воспріятію огня, только еще въ большей степени, дѣлается смутнымъ и неяснымъ, какъ «воспріятіе»: въ немъ не различается никакихъ частныхъ и деталей, кромѣ приблизительной локализациі въ пальцахъ руки, оно тонетъ и исчезаетъ въ хаотически поднимающихся волнахъ «жгучей боли»—неопредѣленной судорожной психической реакціи, представляющей колоссальную растрату энергіи психической системы ¹⁾. За-

¹⁾ Нетрудно видѣть, насколько отчетливѣе и опредѣленнѣе тактильно-термическія воспріятія при гораздо болѣе слабыхъ раздраженіяхъ, но безъ

тѣмъ выступаетъ новая психо-моторная реакція—рефлексъ «отдергиванія руки»; и изъ всего дальнѣйшаго для насъ важно только одно: тѣ психическіе комплексы, которые были въ полѣ сознанія въ моментъ отрицательнаго аффекціонала, въ дальнѣйшемъ воспроизводятся сравнительно ослабленными и болѣе рѣдко: даже зрительный образъ огня, возникая въ памяти ребенка, быстрѣе, чѣмъ прежде, подавляется другими реакціями—ребенокъ «избѣгаетъ» этого воспоминанія; а та двигательная реакція «хватанія», которая ближайшимъ образомъ предшествовала появленію отрицательнаго аффекціонала, въ дальнѣйшемъ совсѣмъ не повторяется въ связи съ воспріятіемъ огня, какъ это здѣсь было, да и во всякой иной связи воспроизводится менѣе быстро и энергично, съ большимъ колебаніемъ и «осторожностью».

Въ большинствѣ случаевъ дѣйствіе психическаго подбора бываетъ менѣе интенсивно, особенно когда оно направлено въ положительную сторону, въ сторону усиленія и упроченія возникающихъ психическихъ комбинацій; но и тогда, повторяясь и накопляясь, оно въ концѣ-концовъ можетъ оказаться еще гораздо болѣе значительнымъ по своимъ результатамъ. Очевидно, при этомъ, что съ точки зрѣнія принятой нами концепціи *все поле сознанія непрерывно является въ то же время полемъ психическаго подбора*, и вся жизнь сознанія представляется какъ процессъ развитія и разрушенія психическихъ формъ, направленіе котораго во всякій данный моментъ опредѣляется знакомъ аффекціонала.

V.

Связь психическаго подбора съ аффекціоналомъ означаетъ связь съ опредѣленными типами жизнеразностей нервнаго аппарата. Этимъ дается, какъ будто, иная точка зрѣнія на вопросъ о психическомъ подборѣ: его надо «разрѣшить», процессъ психическаго подбора надо «объяснить» на почвѣ физиологіи нервной системы.

Пусть въ сознаніи одновременно имѣется рядъ образовъ, окрашенныхъ чувствомъ «удовольствія», т.-е. въ нервномъ аппаратѣ протекаетъ рядъ жизнеразностей, разнообразной «формы», но имѣющихъ въ суммѣ положительный характеръ (увеличеніе

такого отрицательнаго аффекціонала (напр., когда ребенокъ тѣми же пальцами беретъ и ощупываетъ обыкновенные предметы).

энергіи центрального органа системы). Самая наличность «созна- нія» соотвѣтствуетъ тому факту, что жизнеразности протекають не изолированно въ немногихъ клѣткахъ системы, а распростра- няются въ ней по различнымъ направлениямъ, находясь въ то же время во взаимной связи и зависимости; но наличность *опредѣ- ленныхъ* реакцій психики означаетъ въ то же время, что у этихъ жизнеразностей имѣются свои собственные центры, которые въ данномъ случаѣ являются главнымъ полемъ жизнеразностей и ихъ исходною точкой,—спеціальные, такъ сказать, органы этихъ реакцій. Такіе органы при современномъ состояніи науки можно представлять себѣ только въ видѣ опредѣленныхъ комплексовъ нервныхъ клѣтокъ, взаимно связанныхъ нервными проводниками и при ихъ посредствѣ легко приводящихъ другъ друга въ со- стояніе «функциональной жизнеразности»—въ «динамическое» состояніе, какъ чаще выражаются. Въ данномъ примѣрѣ харак- теръ жизнеразностей положительный, и энергія нервныхъ клѣ- токъ, входящихъ въ составъ функционирующаго спеціального органа, повышается; увеличивается, слѣдовательно, интенсивность ихъ жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ, очевидно, и способность функцио- нально «возбуждать» другъ друга, и вообще приходитъ совмѣстно въ «динамическое» состояніе. Такимъ образомъ, во-первыхъ, уве- личиваются шансы повторенія психическихъ реакцій, связанныхъ съ этимъ динамическимъ состояніемъ, во-вторыхъ возрастаетъ и интенсивность этихъ реакцій. То и другое въ совокупности обозначается, какъ положительный психическій подборъ.

Совершенно аналогичнымъ образомъ можно представить себѣ картину отрицательнаго психическаго подбора. При понижаю- щейся энергіи клѣтокъ спеціального органа реакціи, онѣ въ меньшей степени способны возбуждать другъ друга къ функціи, сопротивленіе проводниковъ при прежнихъ условіяхъ уже не преодолевается ослабленнымъ передаточнымъ токомъ — реакція повторятся рѣже и менѣе интенсивна.

Въ такомъ «физиологическомъ» представленіи психическаго подбора передъ нами выступаетъ новая его черта, которую трудно было бы замѣтить при чисто «психологическомъ» способѣ изо- браженія. Какъ мы указывали, во время той или иной психиче- ской реакціи ея спеціальныи органъ служитъ *главнымъ полемъ* жизнеразностей, но не единственною ихъ областью: онѣ распро- страняются — въ ослабленной степени — и на различныя другія

области центрального аппарата, который именно какъ интегральное цѣлое является органомъ сознанія вообще. Если такъ, то процессъ психическаго подбора долженъ захватывать не только тѣ реакціи, которыя имѣются въ полѣ сознанія при данномъ аффекціоналѣ, но и другія, только въ гораздо болѣе слабой степени, — а изъ этихъ другихъ по преимуществу тѣ, спеціальныя органы которыхъ наиболѣе тѣсно связаны со спеціальными органами первыхъ. И есть много фактовъ, которые подтверждаютъ эту дедукцію. Такъ, послѣ ряда перенесенныхъ страданій замѣчается общее уменьшеніе сферы памяти и практическихъ реакцій: «забывается» многое и изъ того, что не было, повидимому, прямо связано съ отрицательнымъ аффекціоналомъ, человѣкъ нерѣдко «разучивается» или «отвыкаетъ» дѣлать то, что само по себѣ опять-таки не было источникомъ страданій. Напротивъ, рядъ интенсивно-пріятныхъ ощущеній нерѣдко воскрешаетъ въ психикѣ много давно забытыхъ образовъ, не стоящихъ, повидимому, ни въ какомъ близкомъ отношеніи съ этими ощущеніями ¹⁾. Во всемъ этомъ выражается реальное жизненное единство психики въ непрерывной смѣнѣ содержаній психическаго опыта.

Но какъ теперь отнестись къ тому факту, что у насъ получилось два объясненія психическаго подбора — одно съ точки зрѣнія непосредственныхъ психическихъ переживаній, другое — съ точки зрѣнія физиологіи нервной системы? Нетрудно замѣтить, что оба «объясненія» *тождественны*, какъ энергетическія формулы, съ той только разницей, что въ одномъ говорится о психическихъ реакціяхъ, въ другомъ — о жизнеразностяхъ органовъ этихъ реакцій. Мы признали, что физиологическій процессъ есть *отраженіе* комплексовъ непосредственныхъ переживаній въ социальномъ-организованномъ опытѣ живыхъ существъ. Въ энергетическихъ формулахъ отражаемое и отраженіе совершенно сливаются, потому что формулы эти отвлекаются отъ способа воспріятія — «прямого» или «косвеннаго». Такимъ образомъ два «объясненія» психическаго подбора представляютъ въ дѣйствительности *одно* въ двухъ различныхъ формахъ изложенія; и мы

¹⁾ Указаніе, что эти забытые образы вновь возникаютъ благодаря косвенной ассоціативной связи, само по себѣ въ этомъ случаѣ ничего не объясняетъ: дѣло идетъ именно объ объясненіи этой «косвенной ассоціативной связи», которая представляетъ не болѣе, какъ *обозначеніе* изслѣдуемыхъ фактовъ.

можемъ во всякомъ данномъ случаѣ избирать ту изъ нихъ, которая именно въ этомъ случаѣ удобнѣе для нагляднаго описанія и стройной группировки фактовъ ¹⁾).

VI.

Идея психическаго подбора представляетъ изъ себя, какъ мы видѣли, обобщеніе очень широкаго ряда фактовъ. Но мы хотимъ сдѣлать изъ нея нѣчто большее—руководящую точку зрѣнія при дальнѣйшемъ психологическомъ изслѣдованіи. И такъ какъ мы ищемъ *монистическихъ* методовъ, примѣненіе которыхъ могло бы охватить *всю* область психическаго опыта, то естественно поставить вопросъ: насколько широка та область, въ которой возможно, въ которой мыслимо пользоваться для изслѣдованія идеей психическаго подбора? Для самаго общаго отвѣта на этотъ вопросъ данныхъ у насъ уже достаточно.

Психическій подборъ, какъ мы его вначалѣ опредѣлили, есть та форма подбора переживаній, которая связана съ ихъ аффекціоналомъ; аффекціоналъ же есть характеристика переживаній, находимая именно въ «сознаніи», т.-е. въ полѣ непосредственнаго психическаго опыта, и только въ этомъ полѣ. Но здѣсь ли граница явленій психическаго подбора?

Человѣкъ въ опытѣ и познаніи никогда не бываетъ солипсистомъ, — кромѣ непосредственнаго, т.-е. личнаго психическаго опыта, для него существуетъ психическій опытъ другихъ живыхъ существъ; эта несравненно болѣе широкая сфера психическаго опыта конструируется человѣкомъ на основаніи «высказываній» другихъ организмовъ. Ясно, что идея психическаго подбора не только можетъ, но должна быть перенесена на всю эту

¹⁾ Въ моихъ прежнихъ работахъ—„Основн. элементы историч. взгляда на прир.“ и „Познаніе съ историч. точки зр.“—я давалъ иное „объясненіе“ психическаго подбора—объясненіе болѣе узкое, чисто-физиологическое, въ которомъ придавалось особенное значеніе функциямъ сосудодвигательной системы, регулирующей питаніе мозга. Эту постановку вопроса я теперь склоненъ считать не то чтобы невѣрной, а недостаточно широкой и недостаточно простой: роль системы, регулирующей питаніе, въ колебаніяхъ жизнеразностей, дѣйствительно, должна быть громадна, но все же „питаніе“—только одна изъ двухъ сторонъ жизненнаго процесса, *всеобщее* объясненіе должно сразу принимать во вниманіе обѣ стороны; при этомъ мои прежнія формулы, исходящія изъ болѣе *частной* группы фактовъ, оказываются и болѣе *сложными*.

область; и это тѣмъ легче, что въ «высказываніяхъ» дается и аффекціональ — люди и животныя «выражаютъ» чувствованія удовольствія и страданія.

Психическій опытъ вообще характеризуется особымъ типомъ координаціи элементовъ и ихъ комплексовъ — именно, ассоціативною связью; этимъ онъ и отличается отъ опыта физическаго съ его высшей, объективной закономѣрностью. Но критика психическаго опыта привела насъ къ выводу, что онъ есть только нѣкоторая часть — именно, наиболѣе организованная часть — той области, въ которой господствуетъ ассоціативная координація и которую мы обозначили какъ область «непосредственныхъ переживаній». Мы пришли къ убѣжденію, что всякой жизнеразности физиологическихъ процессовъ соотвѣтствуютъ, или, лучше сказать, во всякой жизнеразности для познанія обнаруживаются нѣкоторыя непосредственныя переживанія, со свойственной имъ ассоціативной связью элементовъ и ихъ комплексовъ. Съ этой точки зрѣнія психическій опытъ даннаго живого существа есть лишь главная изъ его ассоціативныхъ координацій, съ которою жизненно связаны другія, менѣе сложныя, относительно самостоятельныя координаціи аналогичнаго типа. Вопросъ заключается въ томъ, возможно ли распространеніе идеи психическаго подбора на всѣ *эти* координаціи, слѣдовательно, на всю область непосредственныхъ переживаній вообще, — а она, согласно нашему представленію, совпадаетъ съ царствомъ *жизни* въ природѣ.

Вопросъ этотъ до извѣстной степени рѣшается уже эмпирически. Многія изъ низшихъ координацій, остающихся за порогомъ психическаго опыта, доступны намъ при посредствѣ высказываній, когда мы наблюдаемъ, напр., «автоматическія» дѣйствія людей, поступки лунатиковъ, различныя движенія низшихъ организмовъ, стоящихъ такъ далеко отъ насъ на лѣстницѣ развитія, что мы не можемъ приписать имъ настоящаго «опыта». Автоматическое дѣйствіе глубоко задумавшагося человѣка прекращается, когда встрѣчаетъ «вредное сопротивленіе», которое причинило бы «страданіе», если бы отразилось въ сферѣ сознанія; у лунатика есть прямыя высказыванія аффекціональнаго характера, напр., въ выраженіи лица, и имъ соотвѣтствуютъ перемѣны въ образѣ дѣйствій лунатика; низшій организмъ, въ родѣ амѣбы, быстро останавливаетъ свое движеніе, когда оно

наталкиваетъ его на «вредное» вліяніе, понижающее энергію клѣтки, и т. д. Ясно, что для всѣхъ такихъ случаевъ принципъ психическаго подбора является познавательнo пѣлесообразнымъ.

Но дальше? Какъ мы знаемъ, далеко *не всѣ* непосредственныя переживанія находятъ себѣ отраженіе въ «высказываніяхъ». Очевидно, что это—не принципиальная разница между ними и по существу ничего не мѣняетъ. Въ самомъ дѣлѣ, полученная нами характеристика психическаго подбора такова: это подборъ, протекающій въ сферѣ координированныхъ измѣненій системы и основанный на возрастаніи или пониженіи ея энергіи. Значитъ, всюду, гдѣ есть такія координированныя измѣненія, — выступающее въ нихъ повышеніе или пониженіе энергіи системы должно вызывать явленія психическаго подбора. Но это относится ко всей области непосредственныхъ переживаній.

Такимъ образомъ, съ формальной стороны есть всѣ основанія принять идею психическаго подбора за *всеобщій принципъ* изслѣдованія жизни, какъ потока непосредственныхъ переживаній. Это, однако, еще не означаетъ, чтобы его примѣненіе должно было всегда и вездѣ сопровождаться успѣхомъ,—дѣло зависитъ отъ того, достаточно ли конкретныхъ данныхъ для такого примѣненія, — ограниченіе, относящееся ко *всѣмъ* принципамъ познанія.

VII.

Примѣняемый нами терминъ «психическій подборъ» самъ по себѣ можетъ вызвать нѣкоторое недоумѣніе, особенно со стороны читателя-біолога. Терминъ этотъ указываетъ на то, что психическій подборъ есть нѣкоторый частный видъ того всеобщаго подбора жизненныхъ формъ, который обозначаютъ обыкновенно какъ подборъ «естественный». А между тѣмъ способъ дѣйствія психическаго подбора, повидимому, совершенно своеобразенъ и не похожъ на способъ дѣйствія подбора естественнаго: факторы одного—простое повышеніе и пониженіе энергіи психической системы, воспринимаемое какъ удовольствіе и страданіе, факторы другого—размноженіе и смерть особей, воспринимаемая какъ объективныя явленія. Что здѣсь общаго и правильно ли подчинять одно другому какъ видъ—роду?

Прежде всего, различіе способа воспріятія не можетъ имѣть принципиальнаго значенія для метода познанія. То, что «субъек-

тивно», существуетъ какъ удовольствіе и страданіе, то выступаетъ «объективно», какъ физиологическое измѣненіе—въ смыслѣ развитія или деградации системы; и то, что воспринимается «объективно», какъ смерть или размноженіе, то протекаетъ «субъективно» въ видѣ исчезновенія прежнихъ рядовъ непосредственныхъ переживаній, или возникновенія новыхъ. Разница только въ томъ, что въ одномъ случаѣ матеріаль для изслѣдованія легче и полнѣе дается однимъ типомъ воспріятія, въ другомъ случаѣ—другимъ; а это для вопроса не существенно.

Далѣе, ошибочно было бы сводить весь процессъ «естественнаго подбора» къ однимъ моментамъ смерти и размноженія. Идея подбора выражаетъ непрерывное соотношеніе между данною формой жизни и ея средою: отрицательный естественный подборъ только завершается смертью, т.-е. разрушеніемъ жизненной координаціи, а до этого момента онъ выражается именно въ пониженіи энергіи данной формы, въ отнятіи этой энергіи средою; точно также и положительный подборъ не сводится къ сохраненію и размноженію формы, а къ непрерывному равновѣсію или возрастанію ея энергіи за счетъ среды, къ процессамъ, которые въ сохраненіи и размноженіи только обнаруживаются наиболѣе наглядно. Тѣ, напр., «страданія», которыя приходится переносить неприспособленному существу, и которыя, понижая его жизнеспособность, ускоряютъ его гибель, служатъ самымъ настоящимъ выраженіемъ «естественнаго подбора».

Такимъ образомъ, нельзя установить никакого принципиальнаго различія между «психическимъ» и «естественнымъ» подборомъ, если тотъ и другой понимать не въ грубо-реалистическомъ смыслѣ, какъ самостоятельнаго «дѣятеля» жизни, а въ томъ чуждомъ всякаго олицетворенія, строго методологическомъ смыслѣ, въ какомъ мы принимаемъ эти понятія ¹⁾.

Но психическій подборъ долженъ разсматриваться какъ частная форма «естественнаго» подбора, потому что первый отно-

¹⁾ Въ наукѣ методологическая концепція *естественнаго* подбора наиболѣе отчетливо выяснена, на нашъ взглядъ, Le-Dantec'омъ въ его критическихъ работахъ о дарвинизмѣ и нео-ламаркизмѣ. Онъ только придаетъ слишкомъ исключительное значеніе *химическимъ* условіямъ равновѣсія жизненной формы съ ея средою, тогда какъ несомнѣнно, что дѣло идетъ здѣсь также и о физическомъ и о механическомъ равновѣсіи. Впрочемъ, и эта сторона дѣла у него отмѣчена, но слишкомъ бѣгло.

сится только къ ассоціативнымъ координаціямъ переживаній, второй же—ко всѣмъ явленіямъ жизни во всѣхъ формахъ.

VIII.

Неразрывная связь психического подбора съ «аффеціоналомъ» ставитъ передъ нами новый вопросъ. Большинство психофизиологовъ рассматриваютъ самый «аффеціональ», какъ своеобразное психическое приспособленіе, очень важное, особенно необходимое для сохраненія жизни, но все же только *частное* психическое приспособленіе, одно изъ многихъ, выработанныхъ развитіемъ. Принимая такую точку зрѣнія, было бы, очевидно, невозможно самую идею психического подбора, который въ психическомъ опытѣ выступаетъ какъ подборъ аффеціональный, сдѣлать всеобщимъ методомъ психологическаго изслѣдованія. Но можно ли вообще согласиться съ этой точкой зрѣнія?

Аффеціональ означаетъ только удовольствіе и страданіе, какъ непосредственныя чувствованія, вѣрнѣе—какъ нѣкоторую непосредственную окраску переживаній (ихъ «чувственный тонъ»). Взятая въ отдѣльности, сама по себѣ, окраска эта никакого приспособленія, очевидно, не представляетъ. Но удовольствіе есть то, къ чему живое существо стремится, страданіе есть то, чего оно избѣгаетъ, причемъ то и другое служитъ на пользу сохраненію и развитію жизни: то и другое, такимъ образомъ, вполне возможно рассматривать какъ «приспособленіе». Что же это значитъ?

Ребенокъ приближаетъ руку къ огню, испытываетъ извѣстныя температурныя ощущенія въ окраскѣ сильнаго страданія и отдергиваетъ руку. Это — приспособленіе. Ребенокъ видитъ чудовище и сильно пугается; эмоція страха характеризуется сильнымъ страданіемъ, — но здѣсь страданіе это только отнимаетъ у ребенка силы, необходимыя для бѣгства отъ чудовища или борьбы съ нимъ: приспособленія, какъ видимъ, нѣтъ. Страданіе въ обоихъ случаяхъ означаетъ одно и то же—разрушительное вліяніе среды, растрату энергіи психической системы; но реакція системы различна, и различенъ результатъ для психической системы: въ одномъ случаѣ приспособленіе, въ другомъ неприспособленность. Отсюда вытекаетъ такой выводъ: если мы отграничимъ въ познаніи аффеціональ переживанія отъ послѣ-

дующей реакціи со стороны системы, то окажется, что приспособленіе (или неприспособленность) зависитъ всецѣло отъ характера этой послѣдующей реакціи, самъ же аффекціональъ выражаетъ только состояніе системы, пониженіе или повышеніе ея энергіи, т.-е. въ сущности ея отношеніе къ «средѣ», которая является либо факторомъ, отнимающимъ энергію системы, либо, наоборотъ, источникомъ возрастанія энергіи. Если бы ребенокъ отдергиваль руку отъ огня рефлекторно, даже не успѣвши почувствовать страданія, его приспособленность отъ этого не уменьшилась бы, а скорѣе даже возрасла бы, потому что меньше была бы растрата энергіи психической системы.

Итакъ, аффекціональъ не есть приспособленіе, хотя онъ опредѣляетъ собою направленіе и выработку приспособленій. Чрезмѣрно теплый или чрезмѣрно холодный для животнаго климатъ въполнѣ аналогичнымъ образомъ опредѣляетъ собою развитіе въ организмѣ животнаго новыхъ приспособленій; однако сама по себѣ чрезмѣрная теплота или холодъ отнюдь не есть приспособленіе. Аффекціональъ для психическаго подбора означаетъ то же, что разрушительное или благопріятное воздѣйствіе среды на организмъ—для подбора естественнаго.

Психическій подборъ есть психическая причинность, какъ подборъ естественный есть біологическая причинность. Но причинность — не телеологія; и если въ общемъ она приводитъ къ возникновенію и развитію уравновѣшенныхъ, гармоническихъ системъ, то далеко не всегда такъ бываетъ въ частныхъ случаяхъ. Психическій подборъ, какъ и подборъ естественный, очень многое создаетъ только для разрушенія. На психическую систему онъ дѣйствуетъ всегда лишь частично, а не интегрально: координируетъ только «части частей», а не цѣлое. Онъ непосредственно приспособляетъ одни психическія переживанія къ другимъ, когда они вмѣстѣ встрѣчаются въ данной опредѣленной координаціи; но далеко не всегда изъ этого можетъ получаться *общая* приспособленность, для всѣхъ координацій системы. Дѣйствіе психическаго подбора нерѣдко противорѣчиво. Но въ рядѣ вѣковъ его организующая тенденція преодолѣваетъ эти противорѣчія, сила развитія господствуетъ надъ ними.

3. Схема ассоціацій.

I.

Основную характеристику всей области психического опыта представляет опредѣленный типъ его координаціи, именно типъ ассоціативный. До сихъ поръ мы пользовались понятіемъ ассоціативной связи только для того, чтобы указать границы области нашего изслѣдованія; но это отнюдь не означаетъ, чтобы данное понятіе имѣло для насъ значеніе познавательнаго «а ргіогі» въ кантіански-гносеологическомъ значеніи этого слова; и какъ только отъ вопроса о всеобщемъ психологическомъ методѣ мы хотимъ сдѣлать шагъ по направленію къ конкретно-психологическому познанію, передъ нами выступаетъ задача—«объяснить» съ точки зрѣнія этого метода фактъ ассоціаціи переживаній въ психическомъ опытѣ.

Прежде всего, что подразумѣваетъ психологъ, когда онъ говоритъ объ «ассоціаціи»?

Тотъ неопредѣленный, неорганизованный потокъ переживаній, который представляетъ дѣйствительное, жизненное «а ргіогі» всякаго опыта и познанія, потому что именно изъ него въ процессѣ развитія кристаллизуется и то и другое, этотъ первичный хаосъ жизни еще не есть, конечно, ассоціативная комбинація элементовъ, а только возможный матеріалъ для ея возникновенія. Но и устойчивый, прочно организованный комплексъ элементовъ также не образуетъ самъ по себѣ «ассоціаціи», пока въ опытѣ и познаніи онъ не разложился на составныя части, которыя и рассматриваются тогда, какъ «ассоціированныя» между собою. Два комплекса, *A* и *B*, которые неизмѣнно встрѣчались бы вмѣстѣ въ полѣ психического опыта, не составляли бы ассоціаціи, потому что вовсе не различались бы какъ два отдѣльныхъ комплекса, а принимались бы какъ одинъ. Такимъ образомъ, если мы говоримъ объ ассоціативной связи комплексовъ *A*, *B*, *C* и т. д., то тѣмъ самымъ подразумѣваемъ не только ихъ взаимную связь, но и ихъ раздѣльность, — подразумѣваемъ, что иногда они выступаютъ вмѣстѣ, а иногда порознь, въ комбинаціяхъ съ другими комплексами. Но въ то же время мы не считаемъ «случайными» встрѣчи комплексовъ *A*, *B*, *C*... въ полѣ сознанія, а признаемъ извѣстную закономерность, состоящую въ томъ, что каждый изъ нихъ «влечетъ» за собою другіе, т.-е.

каждый является положительнымъ, а не отрицательнымъ и не безразличнымъ условіемъ для возникновенія другихъ въ сферѣ непосредственнаго психическаго опыта. Иногда это условіе само по себѣ оказывается достаточнымъ, иногда нѣтъ, но всегда при его наличности для появленія ассоціированныхъ съ нимъ переживаній требуется меньшая сумма всякихъ иныхъ условій, чѣмъ при его отсутствіи.

Основная, наиболѣе общая и типичная форма ассоціативной связи—это ассоціація *по смежности*. Два переживанія, разъ выступавшія въ одномъ полѣ сознанія, обнаруживаютъ затѣмъ тенденцію взаимно вызывать другъ друга, — встрѣчая видѣнную раньше лошадь, человѣкъ вспоминаетъ о сидѣвшемъ тогда на ней всадникѣ, и наоборотъ. Какъ «объясняется» эта связь съ точки зрѣнія психическаго подбора?

Два комплекса, *A* и *B*, одновременно находящіеся въ полѣ сознанія, совмѣстно «подвергаются» психическому подбору, положительному или отрицательному, т.-е., другими словами, совмѣстно испытываютъ энергетическія измѣненія, въ смыслѣ усиленія или ослабленія этихъ комплексовъ. Но тѣмъ самымъ оба комплекса образуютъ въ данной психикѣ *одну систему энергетическаго равновѣсія*. Это вытекаетъ изъ того, что поле сознанія представляетъ, какъ мы видѣли, область координированныхъ измѣненій психической системы, т.-е. измѣненій, энергетически въ данный моментъ связанныхъ, энергія которыхъ обмѣнивается не только со внѣшней для нихъ средой, но и между ними самими ¹⁾.

Итакъ, благодаря процессу психическаго подбора, передъ нами уже не два отдѣльныхъ, «случайно» соединившихся на время комплекса элементовъ, но нѣкоторая опредѣленная система равновѣсія. Она остается «внѣ сознанія», пока это равновѣсіе ничѣмъ не нарушается; если оно опредѣленнымъ образомъ нарушается для одной части этой системы—положимъ, для части *A*,—то «комплексъ *A*» вступаетъ въ поле сознанія; но тогда,—какъ во всякой энергетической системѣ, — нарушается равновѣсіе и для

¹⁾ Такая связь всего нагляднѣе выражается физиологически, именно, въ томъ, что отдѣльныя жизнеразности клѣтокъ и частныхъ центровъ, соответствующія «полю сознанія», сливаются при посредствѣ проводниковъ (ассоціативныхъ и проэкторныхъ волоконъ) въ одну непрерывную, общую жизне-разность центральнаго аппарата.

части *B*, и мы можемъ ожидать, что *B* также «появится» въ сознаниі. Если бы за все промежуточное время система этихъ двухъ комплексовъ оставалась совершенно неизмѣнной, то каждый изъ нихъ неизбежно вызвалъ бы другой вслѣдъ за собою; но о такой безусловной устойчивости не можетъ быть и рѣчи, когда дѣло идетъ о живой и живущей психикѣ: медленно и непрерывно измѣняясь въ своихъ мельчайшихъ частяхъ, система можетъ преобразоваться весьма значительно и даже совсѣмъ разложиться; вотъ почему и ассоціативная связь имѣетъ лишь ограниченное значеніе, вотъ почему она представляетъ массу различныхъ степеней, отъ неумовимаго *minimum* прочности до граничащаго съ неразрывностью *maximum*.

Съ этой точки зрѣнія для насъ вполне объясняются всѣ существенныя особенности ассоціативной связи. Напр., она бываетъ особенно прочна, если возникаетъ при *сильномъ аффекціональнѣ*: все, что пережито въ моментъ высокой радости или интенсивнаго страданія, ассоціируется наиболѣе прочно, такъ что каждая часть тогдашняго поля сознанія, выступая въ сознаниі вновь, съ большою силой и ясностью воскрешаетъ другія, — на этомъ общеизвѣстномъ фактѣ основаны многіе приемы мнемоники и педагогиі ¹⁾. Сильный аффекціональ означаетъ энергичное дѣйствіе психическаго подбора; и такъ какъ именно это дѣйствіе и создаетъ изъ двухъ встрѣтившихся въ сознаниі комплексовъ одну систему равновѣсія, то понятно, что болѣе интенсивный подборъ обуславливаетъ большее относительное единство, болѣе устойчивость новой системы, т.-е. болѣе прочную связь ея частей. Совершенно аналогичнымъ образомъ упрочивается ассоціация переживаній и тогда, когда они многократно выступаютъ вмѣстѣ въ сознаниі: здѣсь только интенсивность психическаго подбора замѣняется его продолжительностью, дѣйствіе его, такъ сказать, накапливается.

Съ другой стороны, чѣмъ интенсивнѣе психическая жизнь за все то промежуточное время, пока ассоціированные комплексы

¹⁾ Въ старыя времена, устанавливая границы помѣстій, на межѣ сѣкли мальчиковъ, чтобы они, доживши до старости, не могли забыть, гдѣ граница. Тѣмъ же методомъ пользуется современный классическій педагогъ, когда онъ оставляетъ ученика безъ объѣда, принуждая въ это время учить вокабулы, или патриархальные родители, когда они бьютъ дѣтей и «приговариваютъ»: «не дѣлай этого, не дѣлай этого»... и т. д.

остаются «за порогомъ» сознаниа, тѣмъ больше ослабляется и ассоціативная связь этихъ комплексовъ, тѣмъ меньше шансовъ, что вступленіе одного изъ нихъ въ поле сознаниа «повлечетъ» за собою вступленіе другого. Интенсивная психическая жизнь означаетъ большое количество измѣненій психической системы, слѣдовательно—большое количество измѣняющихся вліяній, а вліянія эти дѣйствуютъ и за предѣлами главной координаціи, преобразуя прежде сложившіяся частныя системы энергетическаго равновѣсія—ассоціативныя группировки. И здѣсь, какъ въ предыдущемъ случаѣ, продолжительность измѣняющихся вліяній имѣетъ однородное значеніе съ ихъ интенсивностью: ассоціаціи становятся менѣ прочными, если долго не возобновляются въ сознании.

Все это относится къ простѣйшему и основному типу ассоціативной связи—къ ассоціаціямъ «по смежности»; точно также разумѣется, и къ ассоціаціямъ «по временной послѣдовательности», потому что эта послѣдняя *заключаетъ* въ себѣ моментъ смежности: если комплексъ *A* *вполнѣ* исчезнетъ изъ сознаниа къ моменту появленія комплекса *B*, то ассоціація по послѣдовательности не образуется; она получается лишь въ томъ случаѣ, когда комплексъ *A* хотя бы только отчасти и въ ослабленномъ видѣ сохраняется еще нѣкоторое время на ряду съ *B*. Такимъ образомъ оба первоначальныхъ типа ассоціаціи мы имѣемъ всѣ основанія разсматривать, какъ *результатъ психическаго подбора*. Нѣсколько сложнѣе представляется вопросъ объ ассоціаціяхъ «по сходству» и «по контрасту»—объ ассоціаціяхъ «высшаго» типа. Чтобы перейти къ нимъ, для насъ требуется еще одно промежуточное звено—явленія психическаго «привыканія».

II.

Если какая-нибудь психическая реакція сенсорнаго характера (воспріятіе, представленіе) или двигательнаго (волевой актъ, стремленіе) повторно выступаетъ въ сознании, то она чѣмъ дальше, тѣмъ въ большей мѣрѣ становится *привычною*. При этомъ она измѣняется, и именно въ трехъ отношеніяхъ. Съ одной стороны, она все легче воспроизводится въ психикѣ—шансы ея новаго повторенія при прочихъ равныхъ условіяхъ возрастаютъ. Съ другой стороны, какъ комплексъ элементовъ опыта, она при-

обрѣтаетъ все больше опредѣленности и консерватизма—взаимныя отношенія ея элементовъ становятся все прочнѣе и устойчивѣе. Съ третьей стороны, мѣняется аффекціональная окраска реакціи—вообще говоря, въ сторону безразличія: высокій аффекціоналъ, положительный или отрицательный, понижается, становясь все болѣе незначительной величиной; но при отрицательномъ аффекціоналѣ дѣло этимъ не ограничивается,—онъ переходитъ затѣмъ въ положительный, при чемъ, обыкновенно, также не переходитъ извѣстной невысокой величины ¹⁾. Вопросъ заключается въ томъ, что можетъ дать идея психическаго подбора для уясненія этихъ фактовъ, играющихъ такую громадную роль въ душевной жизни и развитіи.

Здѣсь прежде всего очевидно, что дѣло идетъ о многократномъ и въ общемъ продолжительномъ дѣйствіи психическаго подбора: повторяясь снова и снова, реакція каждый разъ подвергается этому дѣйствію. Если подборъ положительный (реакція въ сознаніи выступаетъ какъ нѣчто «пріятное»), то сразу же становится понятнымъ, почему возрастаютъ шансы дальнѣйшаго повторенія реакціи—это общая и основная черта положительнаго психическаго подбора. Но какимъ же образомъ получается аналогичный эффектъ «привыканія» и тогда, когда подборъ бываетъ отрицательный, когда реакція непосредственно «непріятна»? А ригорі слѣдовало бы ожидать, повидимому, прямо противоположнаго результата,—все болѣе и болѣе труднаго воспроизведенія реакціи? Правда, *иногда* такъ и случается—чѣмъ чаще данный комплексъ повторяется въ сознаніи, тѣмъ сильнѣе то внутреннее сопротивление, которое онъ при этомъ встрѣчаетъ,—тѣмъ сильнѣе тенденція къ его подавленію и устраненію изъ психическаго поля ²⁾. Но такъ бываетъ скорѣе въ меньшинствѣ случаевъ, насъ

1) Эту сторону процесса привыканія «народная мудрость» выражаетъ словами: «стерпится—слюбится». Профессиональныя привычки даютъ людямъ возможность находить нѣкоторое удовольствіе даже въ томъ, что для всѣхъ непривычныхъ прямо невыносимо. Напр., многимъ химикамъ, работающимъ, хотя бы по анализу, съ сѣководородомъ, запахъ этого газа положительно начинаетъ нравиться.

2) Напр., когда человѣка заставляютъ выполнять непріятную для него работу, то нерѣдко бываетъ такъ, что съ каждымъ разомъ это дѣлается для него все труднѣе, работа становится все менѣе энергичной, координація волевыхъ актовъ, психически ее опредѣляющая, становится все болѣе дисгармоничной и протекаетъ все болѣе вяло—типичная картина отрицательнаго психическаго подбора.

же сейчасъ занимаетъ противоположный типъ явленія — когда «непріятная» реакція возникаетъ все съ меньшимъ и меньшимъ сопротивленіемъ психики, а затѣмъ становится даже «пріятной», когда, напр., человекъ, начавши съ отвращеніемъ заниматься какой-нибудь работой, мало-по-малу «втягивается» въ нее и начинаетъ даже находить въ ней нѣкоторое удовольствіе.

Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что такое «привыканіе» при отрицательной окраскѣ реакціи происходитъ гораздо медленнѣе и съ большей затратой энергіи, чѣмъ при положительной окраскѣ: «втянуться» въ непосредственно-пріятное занятіе гораздо легче, чѣмъ въ непосредственно-непріятное. Такимъ образомъ и здѣсь, повидимому, типичная тенденція отрицательнаго подбора имѣется налицо — она только парализуется и перевѣшивается какими-то другими вліяніями. Какія же это вліянія? Вопросъ рѣшается очень легко, если припомнить, что полемъ психическаго подбора является *все поле сознанія*, какъ одно цѣлое.

Трудно представить себѣ большія страданія, чѣмъ тѣ, которыя испытываетъ десятилѣтній школьникъ, «пріучаясь» курить. Необычныя осязательныя, обонятельныя и вкусовыя ощущенія отъ табачнаго дыма вызываютъ цѣлый рядъ дисгармоническихъ судорожныхъ реакцій — со стороны діафрагмы и другихъ мускуловъ дыхательнаго аппарата (кашель), со стороны сосудистой системы (сердцебиеніе, учащенный пульсъ), мускуловъ лица (гримаса), различныхъ железъ (слезы, слюнотеченіе) и т. д. Въ совокупности это означаетъ большую растрату энергіи, слѣдовательно большое страданіе. Если бы все дѣло къ этому и сводилось, то врядъ-ли кто-нибудь «привыкъ» бы курить. Но обстоятельства гораздо сложнѣе, и въ полѣ сознанія имѣется, кромѣ указанныхъ комплексовъ, еще немало иныхъ. Представленіе объ актѣ куренія соединяется въ психикѣ ребенка съ представленіемъ о нѣкоторомъ относительномъ «равенствѣ» со взрослыми, стало быть о нѣкоторомъ принципиальномъ расширеніи жизни, о повышеніи ея уровня. Это сочетаніе сводится въ концѣ концовъ, къ ассоціаціи «по смежности» — къ тому факту, что ребенокъ видѣлъ курящими только взрослыхъ, и въ то же время наблюдалъ ихъ взаимныя отношенія — съ его точки зрѣнія весьма «свободныя». Если актъ куренія причиняетъ «непріятныя» ощущенія, то сознаніе возрастающей свободы «пріятно»: одна часть ассоціаціи, взятая въ отдѣльности, имѣетъ отрицательный аффеціональ, другая — по-

ложительный; какова же окраска ассоціаціи, какъ цѣлаго? Чувство страданія, которымъ омрачается первая часть ассоціаціи, очень интенсивно, однако скоропреходяще, и имѣеть лишь индивидуально-физиологическую основу; напротивъ, чувство удовольствія, характеризующее вторую часть ассоціаціи, можетъ быть не особенно интенсивно, но имѣеть социально-психологическую основу, постоянно поддерживается окружающей ребенка общественной средой, и потому отличается длительнымъ дѣйствіемъ. Ребенокъ одинъ-два раза накурится до тошноты и страдаетъ нѣсколько часовъ; но каждый день по многу разъ, глядя на окружающихъ, онъ возвращается къ мысли: «ахъ, какъ хорошо быть взрослымъ, который дѣлаетъ, что хочетъ, и который курить съ очевиднымъ удовольствіемъ». Если въ этой постоянно возобновляющейся ассоціаціи перевѣсъ получить длительное, хотя менѣе интенсивное дѣйствіе положительнаго аффеціонала, то нашъ герой будетъ вновь и вновь возобновлять попытки курить; если побѣдитъ интенсивное, хотя менѣе продолжительное вліяніе отрицательнаго аффеціонала, то попытки будутъ становиться рѣже или прекратятся. Въ первомъ случаѣ шансы повторенія реакціи возрастаютъ, какъ и бываетъ при «привыканіи», во второмъ—уменьшаются.

Этотъ частный примѣръ даетъ намъ указаніе на тотъ общій путь, на которомъ создается «привычка» къ повторенію «непріятной» реакціи. При каждомъ фактическомъ повтореніи реакціи, повтореніи, обусловленномъ совокупностью обстоятельствъ, хотя бы только «внѣшнихъ», реакція эта выступаетъ какъ составная часть опредѣленнаго *поля сознанія*, и психическій подборъ ассоціируетъ ее «по смежности» съ остальнымъ содержаніемъ этого поля. Чѣмъ больше происходитъ такихъ фактическихъ повтореній, тѣмъ больше различныхъ «полей сознанія» вмѣщаютъ данную реакцію, тѣмъ больше у нея образуется «ассоціативныхъ связей» по смежности; а каждая ассоціативная связь, какъ мы знаемъ, увеличиваетъ шансы повторенія реакціи. При этомъ *собственная* аффеціональная окраска реакціи становится менѣе важной, потому что дѣйствіе психическаго подбора относится, какъ мы видѣли, не къ отдѣльной части поля сознанія, а къ его цѣлому; и спеціальный аффеціоналъ реакціи входитъ лишь какъ *слабое* въ общую сумму условій психическаго подбора. Если

это слагаемое имѣетъ знакъ минусъ, а другія плюсь, то въ зависимости отъ величины жизненной суммы шансы повторенія реакціи будутъ либо возрастать, либо уменьшаться. Въ первомъ случаѣ мы и получимъ процессъ «привыканія къ непріятному»; и понятно, что процессъ этотъ окажется, вообще говоря, гораздо болѣе медленнымъ и тяжелымъ, чѣмъ «привыканіе къ пріятному».

Другая сторона процесса выражается въ возрастаніи опредѣленности и консерватизма той психической реакціи, которая «входитъ въ привычку». Это объясняется просто общей продолжительностью дѣйствія психическаго подбора, которое выступаетъ на сцену при каждомъ повтореніи реакціи. *Какъ всякій энергетическій процессъ*, психическій подборъ направляется въ сторону устойчиваго равновѣсія и, дѣйствуя на данный комплексъ элементовъ, стремится создать изъ него уравновѣшенную, консервативную систему, что и характеризуетъ «привычные» комплексы. Но получается всегда, конечно, не абсолютная, а только относительная опредѣленность, потому что психическій подборъ стремится въ то же время образовать системы равновѣсія болѣе обширнаго объема—именно, изъ даннаго комплекса *вмѣстѣ* съ другими, съ которыми онъ встрѣчается въ одномъ полѣ сознанія (системы ассоціативныя).

Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ объясняется и «притупленіе» аффекціонала по мѣрѣ привыканія. По мѣрѣ того какъ создаются ассоціативныя системы энергетическаго равновѣсія, происходитъ и уравновѣшеніе аффекціоналовъ различныхъ частей каждой такой системы: всякій значительный плюсь или минусъ, такъ сказать, расплывается, распредѣляясь въ этихъ системахъ между всѣми ихъ частями. Получается для различныхъ ассоціированныхъ комплексовъ нѣкоторый средній аффекціоналъ; и вполне естественно, что это, обыкновенно, небольшой *положительный* аффекціоналъ, потому что самое «привыканіе» происходитъ, какъ мы видѣли, только тогда, когда въ общей суммѣ дѣйствіе психическаго подбора на различныя ассоціаціи, включающія *данную* реакцію, положительное, а не отрицательное. Напримѣръ, если химикъ понемногу начинаетъ находить запахъ H_2S довольно пріятнымъ, то это прежде всего потому, что съ этимъ ощущеніемъ для него ассоціируется представленіе о многихъ интересныхъ и по-

лезныхъ химическихъ реакціяхъ,—представленіе, имѣющее положительный аффекціональ, который переходитъ и на осязаемый запахъ ¹⁾).

Въ массѣ случаевъ измѣненіе аффекціонала происходитъ, однако, еще другимъ путемъ, примѣромъ котораго хорошо можетъ служить хотя бы та же «привычка» къ куренію. У непривычнаго человѣка табачный дымъ, какъ новое интенсивное внѣшнее вліяніе, вызываетъ, мы знаемъ, массу «судорожныхъ реакцій», которыя всѣ «непріятны», такъ какъ представляютъ большую растрату нервной энергіи (кашель, сердцебіеніе, сжатіе периферическихъ сосудовъ и т. д.). Этимъ-то судорожнымъ реакціямъ и принадлежитъ наибольшая доля отрицательнаго аффекціонала при актѣ куренія, и если актъ этотъ повторяется, то онѣ постепенно устраняются психическимъ подборомъ—по общему закону его дѣйствія; а съ ихъ устраненіемъ уменьшается и отрицательный аффекціональ переживаній лица, которое курить,—уменьшается или даже переходитъ въ положительный, если ассоциативно присоединяются «пріятныя» переживанія.

Какъ видимъ, «процессъ привыканія» во всѣхъ своихъ основныхъ проявленіяхъ лежитъ всецѣло въ рамкахъ «психическаго подбора», другими словами—легко имъ «объясняется».

III.

Точка зрѣнія психическаго подбора дала намъ возможность «объяснить» различныя проявленія того процесса, который обозначается словомъ «привыканіе», и который обыкновенно — но не всегда — сопровождаетъ собою психическое «упражненіе» («Uebung»), т. е. повтореніе сходныхъ психическихъ комплексовъ въ потокѣ опыта. Но она же дала намъ возможность понять и тѣ случаи, когда «упражненіе» не влечетъ за собою «привыканія»—случаи особенно «непріятныхъ» переживаній, при повтореніи которыхъ отрицательный подборъ получаетъ рѣшительный перевѣсъ, все болѣе и болѣе противодействуя дальнѣйшимъ повтореніямъ. Такимъ образомъ идея психическаго подбора ока-

¹⁾ Въ то же время происходитъ, конечно, и обратное явленіе: положительный аффекціональ представленія о такихъ-то интересныхъ и полезныхъ химическихъ реакціяхъ *уменьшается*, благодаря «непріятной» окраскѣ запаха, представляемаго или осязаемаго въ связи съ этими реакціями.

зывается шире и общѣе того взгляда, который я назвалъ бы «психологическимъ ламаркизмомъ» и который останавливается только на поверхности фактовъ «упражненія» и «привыканія», констатируя ихъ, но не сводя ихъ къ единству съ несомнѣнными фактами противоположнаго характера ¹⁾).

Теперь мы, очевидно, можемъ и тѣ и другіе факты, какъ уже «объясненные», уже сведенные къ единству идеи психического подбора, сдѣлать основой дальнѣйшаго «объясненія» — для психическихъ фактовъ болѣе сложнаго характера. И прежде всего мы сдѣлаемъ это по отношенію къ высшимъ типамъ ассоціативныхъ процессовъ — къ ассоціациямъ по сходству и по контрасту, которыя составляютъ базисъ всякаго познавательнаго «обобщенія» и «различенія».

Всякій комплексъ элементовъ, выдѣляющійся изъ потока переживаній, выступаетъ первоначально въ опытѣ какъ нѣкоторое неопредѣленное цѣлое. Даже отличить его отъ другихъ, смежныхъ съ нимъ, возможно только благодаря тому, что онъ является въ соединеніи не съ одними и тѣми же, но при каждомъ повтореніи — по крайней мѣрѣ, отчасти — съ новыми и новыми комплексами. Вполнѣ аналогичны и тѣ условія, которыя дѣлаютъ возможнымъ *разложеніе* комплекса на его части и элементы; эти части и эти элементы повторяются въ иныхъ, новыхъ комбинаціяхъ, такъ что прежній комплексъ воспроизводится не только цѣликомъ, но иногда и частично — въ *другихъ* комплексахъ. Напр., если ребенокъ, видѣвшій до сихъ поръ только одну кошку, встрѣчаетъ другую, то въ его психикѣ воспроизводится фактически большая часть комбинацій прежняго комплекса — представленія о кошкѣ, но въ соединеніи съ нѣкоторыми новыми вмѣсто нѣкоторыхъ старыхъ комбинацій. Аналогичные факты въ дальнѣйшемъ происходятъ снова и снова, —

¹⁾ У Авенаріуса въ „Критикѣ чистаго опыта“ такой „ламаркизмъ“ играетъ роль одной изъ центральныхъ идей и связывается со слишкомъ внѣшне-формальнымъ пониманіемъ принципа „чистаго описанія“. Принципъ этотъ, въ сущности, требуетъ, чтобы въ познаніе не вносилось ничего *принципиально* выходящаго за предѣлы даннаго опыта, чтобы всякое „объясненіе“ было только *упрощающимъ описаніемъ*, но онъ отнюдь не сводитъ методы этого упрощающаго описанія къ механическому обобщенію фактовъ, — такое обобщеніе есть только матеріалъ для объединяющей идеи, но еще вовсе не объединяющая идея. Все, что Авенаріусъ говоритъ объ „Uebung“ — только механическое обобщеніе.

повторяющаяся при этомъ «общая» часть всѣхъ соответственныхъ комплексовъ—воспріятій или представлений о «кошкѣ»—подвергается болѣе длительному и систематическому дѣйствию психического подбора, чѣмъ остальные — «индивидуальные» — части этихъ комплексовъ, а слѣдовательно становится болѣе «привычкой». «Привыканье» и здѣсь ведетъ, разумѣется, къ *большей повторяемости, къ большому консерватизму и сравнительному аффекциональному безразличію*. Всѣ эти черты и характеризуютъ постепенно обособляющийся такимъ образомъ комплексъ — «обобщенное представленіе» о кошкѣ ¹⁾).

Совершающийся такимъ образомъ процессъ «обобщенія» есть въ то же время процессъ *ассоціирования по сходству*. Дѣло въ томъ, что наиболѣе повторяющаяся часть сходныхъ комплексовъ, естественнымъ образомъ, ассоціирована *по смежности* съ каждой изъ частей менѣе повторяющихся, и «влечетъ» ихъ за собою въ сознаніи. Если *A*, какъ болѣе повторяющаяся комбинація, обособилась въ одномъ комплексѣ отъ *B*, какъ болѣе индивидуальной части комплекса, въ другомъ отъ *C*, въ третьемъ отъ *D*, то это обособленіе не безусловное: *A* остается все-таки ассоціировано съ *B*, потому что вмѣстѣ съ нимъ находилось въ одномъ полѣ сознанія и вмѣстѣ подвергалось дѣйствию психического подбора, которое, какъ мы видѣли, создаетъ въ этомъ случаѣ ассоціативное отношеніе; но точно также *A* соединено ассоціативной связью и съ *C*, и съ *D* и т. д. Слѣдовательно, въ какой бы изъ этихъ своихъ ассоціативныхъ комбинацій *A* непосредственно ни являлось, оно «имѣетъ тенденцію» вызвать въ сознаніи и остальные свои комбинаціи: $A+B$ «влечетъ» за собой $A+C$ и $A+D$, и т. д., одна кошка «напоминаетъ» о другихъ кошкахъ, одна птица—о другихъ птицахъ... Это и есть ассоціація «по сходству».

Развитіе психического опыта приводитъ къ прогрессивному «обобщенію» переживаній. Разложеніе комплексовъ опыта идетъ все дальше, повторяющаяся часть одного ряда комплексовъ и

1) Собственно говоря, и первоначальное представленіе о такой-то данной кошкѣ, напр., первой, какую видѣлъ до сихъ поръ данный ребенокъ, образуется такимъ же путемъ: рядъ послѣдовательныхъ воспріятій одной и той же кошки не представляетъ точнаго повторенія одного и того же комплекса, но лишь приблизительное, и представленіе о такой-то данной кошкѣ есть уже „обобщеніе“.

повторяющаяся часть другого ряда могут заключать въ себѣ общія комбинаціи, которыя въ свою очередь обособляются психическимъ подборомъ, какъ особенно «привычныя» для психики, - это «обобщенія второго порядка», и т. д. Обобщенія высшихъ порядковъ являются ассоціативными центрами для обобщеній низшихъ порядковъ, какъ эти для еще болѣе низшихъ. Эта цѣпь обобщенія есть въ то же время цѣпь ассоціаций по сходству, болѣе широкихъ и менѣе широкихъ.

Такъ какъ «обобщеніе», т.-е. повторяющаяся часть сходныхъ комплексовъ, «обособляется» до извѣстной степени лишь благодаря своему повторенію въ составѣ этихъ комплексовъ, и такъ какъ оно образуетъ ихъ общій ассоціативный центръ, то естественно, что оно никогда не является *совершенно отдѣльно* отъ этихъ комплексовъ, никогда не обособляется отъ нихъ вполне, даже на короткое время: какъ мы знаемъ, ассоціативная связь означаетъ выработанную психическимъ подборомъ систему энергетическаго равновѣсія; и потому «обобщеніе», будучи только центральнымъ звеномъ обширной системы подобнаго рода, никоимъ образомъ не можетъ совершенно отъ нея оторваться, хотя бы даже только на одинъ моментъ. Если бы это и случилось, то передъ нами оказалась бы энергетически неуравновѣшенная комбинація, которая по своей неуравновѣшенности тотчасъ же вывела бы изъ равновѣсія смежныя (ассоціативныя) психическія группировки, т.-е. вовлекла бы въ «поле сознанія» свои «частныя» комплексы, которые она обобщаетъ. Другими словами, обобщеніе *всегда* въ психикѣ проявляется какъ центральная часть ассоціации по сходству, и только въ такой ассоціации существуетъ. «Чистаго» обобщенія, которое бы «отвлекалось» отъ всего индивидуальнаго въ обобщенныхъ частныхъ комплексахъ, человѣкъ никогда не можетъ реализовать въ своемъ сознаніи.

Итакъ, обобщеніе представляетъ не что иное какъ ассоціацию по сходству, въ которой психическимъ подборомъ до извѣстной степени обособлена—такъ сказать «подчеркнута» — повторяющаяся часть ассоціированныхъ комплексовъ. Понятно, что чѣмъ выше степень или «порядокъ» обобщенія, тѣмъ болѣе широкой ассоціации по сходству оно соотвѣтствуетъ, тѣмъ болѣе значительную массу частныхъ комплексовъ оно связываетъ. Но поле сознанія, какъ область координированныхъ измѣненій психики

всегда ограничено: какъ всякая организованная система, психика не можетъ безъ нарушенія своей связности и единства испытывать одновременно неопредѣленно большое количество измѣненій. Вотъ почему никогда или почти никогда комплексъ обобщенный не выступаетъ въ сознаниі вмѣстѣ со *всѣми* частными, которые онъ объединяетъ: налицо имѣются только нѣкоторые изъ нихъ, при томъ одни съ большей отчетливостью, другіе съ меньшей, третьи въ совсѣмъ ослабленномъ видѣ; а психическій подборъ очень быстро смѣняетъ одни изъ нихъ другими, такъ что цѣлое имѣетъ колеблющійся, расплывающійся характеръ. Это постоянная психологическая черта «обобщеній».

То, что въ познаніи называется «понятіемъ», есть прочная, социальное-обусловленная ассоціація *по смежности* между расплывчато-неустойчивымъ въ сознаниі комплексомъ «обобщеніемъ», и вполне опредѣленнымъ, незначительнымъ по суммѣ элементовъ, высоко-консервативнымъ комплексомъ «словомъ». Принципіально эта ассоціація «объясняется» такъ же, какъ всякая другая, социальный же ея генезисъ лежитъ пока за предѣлами нашей задачи.

Какъ видимъ, наша точка зрѣнія, опираясь на факты «привыканія», легко сводитъ основные процессы познавательной дѣятельности къ принципу психического подбора. При этомъ она «объясняетъ» и характерную «холодность» познанія, сравнительное аффекціональное безразличіе «обобщеній» и «понятій»: наиболѣе «общее» есть наиболѣе повторяющееся, наиболѣе «привычное», а «привыканіе», какъ мы видѣли, ведетъ къ притупленію аффекціонала. Эта «холодность» познанія есть также условіе того *консерватизма* понятій, который выражается въ логическомъ «законѣ тожества»: высокой аффекціональ означаетъ вѣдь интенсивную работу психического подбора, стало быть — преобразование комплексовъ, находящихся въ сознаниі, нарушеніе ихъ «тожества», — и потому онъ несомѣстимъ со строгимъ консерватизмомъ сложившихся понятій.

IV.

Прежде чѣмъ перейти къ третьей, самой сложной формѣ ассоціативной связи, намъ слѣдуетъ нѣсколько остановиться на очень важныхъ для объясненія этой формы случаяхъ *конкуренции* психическихъ комплексовъ.

Поле сознанія есть область координированныхъ измѣненій психической системы. Эта область является всегда неизбежно ограниченной и именно въ силу двухъ обстоятельствъ. Съ одной стороны, представляя изъ себя организованное, очень сложное и лишь относительно устойчивое цѣлое, психика вообще не можетъ переносить неопредѣленно большого количества одновременныхъ измѣненій—разъ оно переходитъ извѣстную границу, психика начинаетъ просто разрушаться. Съ другой стороны, и степень координаціи измѣненій уменьшается тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше ихъ одновременно возникаетъ, и за извѣстнымъ предѣломъ связность ихъ исчезаетъ,—получается смутная, неопредѣленная масса переживаній, которая не есть психическій опытъ («Verworrenheit»). Получается громадная растрата энергіи психической системы, психическій подборъ направляется въ сторону суженія поля переживаній, и если это достигается, сознаніе «входитъ въ свои нормальныя границы».

Психологи-экспериментаторы, какъ напр. Вундтъ, дѣлали опыты съ цѣлью опредѣлить предѣльный объемъ сознанія. Результаты этихъ опытовъ мало поддаются точному выраженію, потому что единицы измѣренія еще далеко не выработаны; несомнѣнно одно, что для каждой психики такой предѣльный объемъ существуетъ, какъ нѣкоторая естественная граница для расширенія потока переживаній.

Отъ этой границы зависитъ взаимная конкуренція психическихъ ихъ комплексовъ. Чѣмъ ихъ больше въ полѣ сознанія, тѣмъ сильнѣе психическій подборъ стремится уменьшить ихъ количество. При этомъ устраненіе однихъ ведетъ къ увеличенію яркости и ясности другихъ, и наоборотъ. Въ этомъ и состоитъ конкуренція переживаній.

Степень конкуренціи, ея интенсивность, зависитъ, конечно, не только отъ количества конкурирующихъ комплексовъ, но также и отъ ихъ состава, и отъ характера ихъ взаимныхъ отношеній. Чѣмъ болѣе комплексы разнородны, чѣмъ менѣе въ нихъ имѣется общихъ, связывающихъ комбинацій, тѣмъ меньше и тѣмъ труднѣе достигается ихъ взаимная координація, тѣмъ интенсивнѣе они конкурируютъ между собою. Это хорошо знаетъ всякій, кому приходилось сразу думать о нѣсколькихъ различныхъ дѣлахъ. И есть одинъ, чрезвычайно важный рядъ случаевъ, когда конкуренція становится особенно сильной даже

при очень маломъ количествѣ переживаній. Это тогда, когда дѣло идетъ о противорѣчійхъ *волевыхъ* комплексовъ.

Если разсматривать жизнь психики въ ея отношеніяхъ къ внѣшней средѣ, то приходится установить два основныхъ типа психическихъ переживаній: комплексы—*образы* (ощущенія, воспріятія, представленія) и *волевые* комплексы (стремленія, импульсы). «Образы» суть ближайшія отраженія воздѣйствій среды въ психической системѣ, «воля» есть обратная реакція системы на эти воздѣйствія, реакція ихъ измѣняющая. Комплексы «среды» обуславливаютъ измѣненія въ комплексахъ «психики»; поскольку эти послѣдніе имѣютъ пассивный характеръ, не отражаются въ свою очередь въ комплексахъ среды, постольку они только «образы»; поскольку они получаютъ активную окраску, отражаются въ свою очередь въ средѣ, постольку они составляютъ «волю» ¹⁾. Нераздѣльная связь тѣхъ и другихъ, невозможность рѣзкихъ границъ между ихъ областями очевидна сама собою.

Типичная психическая реакція представляетъ неразрывное сочетаніе комплекса перваго рода съ комплексомъ втораго рода. Человѣкъ «воспринимаетъ» опредѣленный образъ, положимъ, «добычу», и этотъ образъ непосредственно влечетъ за собой волевой импульсъ опредѣленнаго характера — актъ «завладѣванія» добычей. Первоначально это — одинъ непрерывный комплексъ, и только съ расширеніемъ и усложненіемъ опыта онъ раздѣляется на двѣ взаимно ассоціированныя части.

Волевой комплексъ, взятый самъ по себѣ, всегда представляетъ *затрату* энергіи психической системы, является для нея *энергетически-отрицательной* величиной. Физиологически онъ и выражается въ *иннервации*, въ потокѣ энергіи, направленномъ отъ центральнаго аппарата системы къ периферіи, а въ конечномъ счетѣ — къ внѣшней средѣ. Такимъ образомъ, для всякаго комплекса, въ которомъ преобладаютъ «волевая» комбинаціи,

1) „Представленіе“ есть неполный комплексъ-образъ, возникающій не изъ прямого и непосредственнаго воздѣйствія комплексовъ среды, но все же являющійся ихъ *косвеннымъ* отраженіемъ. Стремленіе — неполный волевой комплексъ, не отражающійся ближайшимъ образомъ на комплексахъ среды, но при достаточныхъ условіяхъ непосредственно переходящій въ волевой актъ, который уже „отражается“ въ средѣ. (Объ отношеніяхъ этихъ неполныхъ психическихъ реакцій къ полнымъ см. мою работу „Познаніе съ исторической точки зрѣнія“. Спб. 1901, стр. 68—77).

психическій подборъ долженъ оказываться отрицательнымъ, стремится удалить этотъ комплексъ изъ сознанія; недаромъ многіе философы разсматривали стремленія, волю, какъ страданіе. Такіе комплексы быстро исчезали бы изъ сознанія, если бы не продолжающееся дѣйствіе тѣхъ, по отношенію къ полю сознанія «внѣшнихъ» условій, которыми *вызваны* эти комплексы и которыми они, такъ сказать, вновь и вновь вызываются. Пока продолжается дѣйствіе холода на организмъ, до тѣхъ поръ не прекращается и стремленіе укрыться отъ холода, закутаться чѣмъ-нибудь, не прекращается, несмотря на отрицательную окраску того поля сознанія, въ которомъ выступаетъ; но лишь только условія, порождающія и возобновляющія стремленіе, устранены напр., оно «удовлетворено» — оно съ величайшей быстротой исчезаетъ изъ сознанія подъ дѣйствіемъ отрицательнаго подбора; и напр., послѣ хорошаго обѣда трудно даже представить себѣ, какъ это люди хотятъ ѣсть.

Вполнѣ понятно, что комплексы волевые гораздо сильнѣе конкурируютъ между собою, встрѣчаясь въ сознаніи, чѣмъ-комплексы-образы: получается непрерывная растрата энергіи по различнымъ направленіямъ, и отрицательный аффеціональ особенно значителенъ. При этомъ обыкновенно ни одинъ изъ конкурирующихъ комплексовъ не достигаетъ, именно въ силу конкуренціи другихъ, степени полнаго волевого акта, а остается на стадіи «стремленія»; получается борьба различныхъ стремленій, которая продолжается до тѣхъ поръ, пока отрицательный подборъ не устранилъ всѣхъ конкурентовъ, кромѣ одного; это наиболѣе интенсивное и устойчивое, а потому и вытѣсненное всѣ прочія стремленіе заполняетъ тогда поле сознанія и переходитъ въ дѣйствіе.

Въ дѣйствительности конкурируютъ, конечно, не чистые волевые комплексы, а цѣлыя ассоціаціи образовъ со стремленіями. Дѣйствіе психическаго подбора становится сложнѣе потому, что образы сами по себѣ могутъ имѣть и положительный аффеціональ, нерѣдко даже очень значительный; и слѣдовательно возникаетъ положительный подборъ, который усиливаетъ не только самый образъ, но и ассоціированное съ нимъ стремленіе. Тогда «стремленіе къ пріятному» становится активнымъ, переходитъ въ дѣйствіе. Но для насъ въ данный моментъ важно другое: въ каждой изъ конкурирующихъ ассоціацій интенсивность

образа измѣняется вмѣстѣ съ интенсивностью соотвѣтственнаго стремленія, повышаясь и понижаясь приблизительно параллельно этой послѣдней. Такое соотвѣтствіе неизбѣжно въ силу тѣснѣйшей ассоціативной связи образа и стремленія.

V.

Рядомъ съ ассоціаціями «по сходству» громадную роль въ познавательной жизни человѣка играютъ ассоціаціи «по контрасту» или, говоря общѣе, «по различію». Это еще болѣе сложный типъ ассоціативной связи.

Когда вы видите чернаго африканца, въ вашемъ сознаніи всплываетъ представленіе о «бѣломъ» кавказцѣ, о «мѣдно-красномъ» индѣйцѣ, о смугло-желтомъ человѣкѣ монгольской расы, и т. д. При этомъ въ вашемъ сознаніи выступаютъ на первый планъ, выдѣляются съ наибольшей яркостью и опредѣленностью именно черты ихъ различія, а не сходства, въ данномъ случаѣ — окраска ихъ кожи. Такова ассоціація по различію. Нетрудно замѣтить, что она *предполагаетъ* ассоціацію по сходству. Видя чернаго человѣка, вы не вспоминаете ни бѣлый пухъ, ни бѣлую бумагу, но бѣлаго человѣка; черты сходства, общія этимъ двумъ комплексамъ элементовъ, образуютъ необходимую и первичную связь между ними; и только тѣ комплексы, которые сближены уже этой связью, могутъ послужить матеріаломъ для той новой комбинаціи, которую мы обозначаемъ какъ ассоціацію по различію.

Новая комбинація сама представляетъ нѣкоторую противоположность съ прежней; тогда какъ въ ассоціаціи по сходству наибольшей интенсивностью отличаются общія части объединенныхъ комплексовъ («форма обобщенія»), а черты различія ступиваются и спутываются, сливаясь въ какую-то смутную массу переживаній; въ ассоціаціи по различію отношеніе совершенно обратное: общія черты отступаютъ на второй планъ и сознаются лишь слабо и смутно, а «различія» какъ бы подчеркиваются, выступая со все большей яркостью и опредѣленностью («форма различенія»). Задача состоитъ въ томъ, чтобы выяснитъ психологическій генезисъ такихъ ассоціацій.

Всего легче обрисовать этотъ генезисъ на конкретномъ примѣрѣ. Предположимъ, что между «бѣлыми» людьми и «черными» въ

степяхъ южной Африки ведется война; и вы случайно отстали отъ европейскаго войска и заблудились въ незнакомой вамъ мѣстности. Оглядываясь кругомъ, вы замѣчаете, что на горизонтѣ вдали вырѣзывается силуэтъ какой-то человѣческой фигуры; вы вглядываетесь, но никакъ не можете разобрать, негръ это или европеецъ въ темномъ костюмѣ. Въ вашемъ сознаниіи выступаютъ, взаимно конкурируя, два психическихъ комплекса, но это не только образы «бѣлаго» и «чернаго» человѣка, а образы тѣсно ассоціированные съ опредѣленными *стремленіями*: представленіе объ европейцѣ неразрывно связано со стремленіемъ броситься къ нему навстрѣчу, чтобы получить отъ него помощь или указанія относительно дороги къ войску, представленіе о негрѣ — со стремленіемъ спрятаться и приготовиться къ нападенію. «Внѣшнее воздѣйствіе», вызывающее оба комплекса, не прекращается, — вы продолжаете видѣть неопредѣленный силуэтъ; они интенсивно конкурируютъ, взаимно ослабляя другъ друга и не давая одинъ другому завершиться настоящимъ волевымъ актомъ; это «колебательное» состояніе сопровождается, какъ мы знаемъ, значительной растратой энергіи, что и выражается въ сильномъ отрицательномъ аффекціоналѣ: состояніе безусловно «непріятное». Имѣется, слѣдовательно, интенсивный отрицательный подборъ, который охватываетъ все поле сознаниа, но къ чему онъ приводитъ? Это легко выяснитъ, если мы анализируемъ конкурирующіе комплексы.

Образы «бѣлаго» и «чернаго» человѣка имѣютъ общую часть *A* — общія черты обоихъ типовъ, и потому уже ассоціированы въ психикѣ по сходству. Но кромѣ этой общей части, у нихъ есть «различія», часть *B* въ одномъ, часть *C* въ другомъ, главнымъ образомъ — цвѣтовые элементы. $A + B$ (европеецъ) ассоціировано съ однимъ волевымъ комплексомъ, $A + C$ (негръ) съ другимъ; ясно, что часть *A* не находится въ тѣсной и прямой связи ни съ тѣмъ, ни съ другимъ «стремленіемъ», а что объединены съ ними ближайшимъ образомъ съ однимъ — комбинація *B*, съ другимъ — *C*, части различающіяся. Отрицательный подборъ направленъ противъ *всѣхъ* заполняющихъ сознание комбинацій, но пока сохраняется «внѣшняя причина», онъ не можетъ устранить вызываемыхъ ею волевыхъ комплексовъ — они, такъ сказать, вновь и вновь возобновляются. Такъ какъ они неразрывно ассоціированы съ *B* и *C* — различающимися частями обо-

ихъ комплексовъ образовъ, то и эти непрерывно поддерживаются въ сознаниі, пока поддерживаются оба «стремленія», которыя конкурируютъ между собою; и здѣсь психическій подборъ, такъ сказать, безсиленъ противъ продолжающагося дѣйствія «внѣшней причины». Но общая часть обоихъ комплексовъ, часть А, связана съ обоими стремленіями гораздо слабѣе и лишь косвенно; поэтому ее отрицательный подборъ фактически подавляетъ всего сильнѣе.

Въ результатѣ по отношенію къ обоимъ комплексамъ-образамъ получается такая картина: ихъ различія выступаютъ въ сознаниі съ наибольшей яркостью, ихъ общая часть ступшевывается и блѣднѣетъ. Только благодаря связи своей съ различающимися частями, она никогда не исчезаетъ вполнѣ изъ сознанія. Таково основное и первоначальное строеніе ассоціаціи по различію или, что то же, «формы различенія». Она возникаетъ тогда, когда два образа, взаимно связанные по сходству, оказываются въ конкуренціи между собою—благодаря различію ассоціированныхъ съ ними волевыхъ комплексовъ.

Для всякой «формы различенія» при достаточномъ анализѣ можно установить именно такой генезисъ и такое жизненное значеніе. Человѣкъ «не различаетъ», пока «нѣтъ надобности различать», а это и означаетъ—пока данные образы не соединяются съ различными *волевыми реакціями*. Но такъ какъ нѣтъ такихъ психическихъ образовъ, которые не были бы связаны съ волевыми комплексами, потому что въ сущности то и другое представляетъ лишь двѣ различныя фазы полной психической реакціи, то область «различенія» равняется области опыта; «по мѣрѣ надобности», психика создаетъ всевозможныя формы различенія на почвѣ уже сложившихся формъ обобщенія. Къ этимъ двумъ видамъ сводятся *всѣ познавательныя комбинаціи* ¹⁾.

Въ процессахъ такъ называемаго «чистаго познанія» человѣкъ часто создаетъ формы различенія тамъ, гдѣ, повидимому, нѣтъ особыхъ «практическихъ различій», т.-е. связи данныхъ сходныхъ образовъ съ различными волевыми комплексами, которые бы конкурировали между собою. Но въ дѣйствительности такую

1) Подробнѣе объ этихъ двухъ ассоціативныхъ типахъ, образующихъ вмѣстѣ «монистическую тенденцію сознанія», я писалъ въ работѣ «Познаніе съ историч. точки зрѣн.», стр. 85—107.

связь всегда можно найти; и даже въ «схоластическихъ забавахъ», когда «различіе въ волосокъ расщепляется на четыре равныя части», и тогда сущность дѣла все та же; «слово» представляетъ въ психикѣ главнымъ образомъ *волевою* реакцію — реакцію высказыванія; и поскольку сходные образы обозначаются различными словами, они тѣмъ самымъ связываются съ различными волевыми актами. Но и помимо этого, нѣтъ такихъ образовъ, зрительныхъ, слуховыхъ, осязательныхъ и т. д., которые бы не заключали въ своемъ составѣ «иннервационныхъ элементовъ», а это и есть элементы волевыя ¹⁾. Все это достаточно объясняетъ намъ, какимъ образомъ всякая ассоціація по сходству можетъ послужить исходной точкой для возникновенія многихъ ассоціацій по различію.

Всякая психическая ассоціація—по смежности, по сходству, по различію—представляетъ изъ себя нѣкоторое цѣлое, сложный психическій комплексъ, и подобно всякимъ другимъ, болѣе простымъ комплексамъ, вступаетъ въ ассоціативныя связи съ другими аналогичными ассоціаціями. Получаются ассоціаціи высшаго порядка, въ которыхъ «обобщаются» или «различаются» первичныя ассоціаціи съ характеромъ обобщенія и различенія ²⁾. Далѣе слѣдуютъ ассоціаціи еще высшаго порядка, и этотъ процессъ продолжается въ направленіи къ гармоническому ассоціированію всѣхъ данныхъ опыта. Въ прогрессивномъ процессѣ обобщенія ассоціируются по сходству всевозможныя «формы обобщенія» и «формы различенія», и осуществляется тенденція къ наибольшей гармоніи познанія; въ прогрессивномъ процессѣ различенія всѣ комбинаціи того и другого рода ассоціируются по различію,

¹⁾ Въ своей вышеупомянутой работѣ «Познаніе» и т. д., я останавливался подробнѣе на происхожденіи «формъ обобщенія» и «формъ различенія», на явленіяхъ *вниманія*, играющихъ такую роль въ развитіи этихъ формъ, указывалъ и на нѣкоторыя экспериментальныя доказательства въ пользу изложенной точки зрѣнія, найденныя у другихъ авторовъ, при чемъ рассматривалъ психическіе процессы главнымъ образомъ со стороны ихъ физиологическаго выраженія или «проявленія» (стр. 78—107). Здѣсь нѣтъ мѣста вновь излагать все это.

²⁾ Мы не касаемся здѣсь той роли, которую играетъ въ этомъ процессѣ прогрессивнаго ассоціированія могучее социальное его орудіе—слово, то орудіе, безъ котораго собственно «познаніе» даже невозможно. Это завело бы насъ слишкомъ далеко отъ нашей главной темы (спеціально объ этомъ см. «Познаніе», стр. 128—156).

и осуществляется тенденція къ наибольшей полнотѣ познанія. Смыслъ обѣихъ тенденцій одинъ и тотъ же—maximum жизни въ сферѣ познанія ¹⁾).

Мы выясняли раньше, что ассоціативная организація опыта есть *генетически-первичная*, болѣе общая и менѣе опредѣленная, что объективная закономерность есть одна изъ ея частныхъ и производныхъ формъ, одинъ изъ результатовъ ея прогрессивной гармонизаціи ²⁾). Ознакомившись съ тѣми силами, которыя создаютъ и развиваютъ эту основную организацію опыта, мы видимъ, что въ нихъ нѣтъ ничего ни трансцендентнаго, ни трансцендентальнаго, — ничего, что можно было бы принципиально отличать отъ содержаній развивающагося опыта, какъ его абсолютныя формы. Съ этой точки зрѣнія психологія представляется наукой о психическихъ (или ассоціативныхъ) формахъ опыта, *опредѣляемыхъ* его перемѣннымъ содержаніемъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

А. Богдановъ.

¹⁾ Комплексы-образы и комплексы волевые исчерпываютъ собою, въ сущности, все содержаніе психическаго опыта. Обыкновенно различаютъ въ психикѣ еще комплексы «чувства». Но поскольку при этомъ подразумеваютъ удовольствіе и страданіе вообще, постольку дѣло идетъ вовсе не объ особыхъ комплексахъ, но объ ихъ общей окраскѣ, имѣющей, какъ мы указали, опредѣленное энергетическое значеніе. Что же касается *эмоцій* въ собственномъ смыслѣ слова, какъ страхъ, гнѣвъ, радость, любовь, то это недифференцированные комплексы неопредѣленныхъ «ощущеній» съ неопредѣленными «стремленіями» — неразвитыя образно-волевыя комбинаціи.

²⁾ „Жизнь и психика“, „Вопр. фил. и псих.“ 1903, 11—12.

Годъ XV (1904).

Книга 74 (IV).

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПРИ СОДѢЙСТВІИ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ФИЛОСОФСКАГО ОБЩЕСТВА.

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ

И

ПСИХОЛОГИИ.

СЕНТЯБРЬ—ОКТАБРЬ.

СО Д Е Р Ж А Н І Е:

Н. Лосекій. Обоснованіе мистическаго эмпиризма.	А. Богдановъ. Психическій подборъ.
П. Новгородцевъ. Государство и право.	С. Аскольдовъ. Теорія новѣйшаго критицизма.
В. Воробьевъ. Основы энергетическаго міросозерпанія.	Критика и библиографія.
М. Шайкевичъ. Психопатологическій методъ въ русской литературной критикѣ.	I. Обзоръ книгъ.
	II. Библиографическій листокъ.
	III. Обзоръ журналовъ.
	IV. Извѣстія и замѣтки.

МОСКВА.

Типо-литографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о. Пименовская улица, соб. домъ.
1904.

Психическій подборъ ¹⁾).

(Эмпириомонизмъ въ ученіи о психикѣ.)

В. Примѣненія метода.

(иллюстраціи).

Мы считали излишнимъ навязывать вниманію читателя весь тотъ утомительный путь изслѣдованія, частью индуктивнаго, частью дедуктивнаго, который привелъ насъ къ идеѣ психическаго подбора, какъ всеобщаго метода генетическаго познанія психическихъ явленій. Мы ограничились пока сжатою и схематичною обрисовкою этой идеи. Теперь мы перейдемъ къ ея конкретнымъ примѣненіямъ и намѣтимъ тѣ изъ нихъ, которыя представляются намъ наиболѣе типичными и познавательными. Большаго нельзя дать въ предѣлахъ статьи, но и этого, мы полагаемъ, будетъ достаточно, чтобы читатель могъ судить о возможномъ общемъ значеніи этой идеи для стремящагося къ монизму познанія.

Здѣсь мы рѣшаемся выйти за предѣлы задачъ старой психологіи, рѣшаемся при помощи усвоеннаго нами метода подвергнуть *объясненію* и *критикѣ* то, что старая психологія только *описывала*. Встрѣчаясь съ людьми, мы находимъ въ нихъ различныя степени полноты и гармоніи психической жизни, отъ геніальности до идиотизма, отъ спокойной уравновѣшенности до дикаго безумія. Самый типъ организаціи оказывается различнымъ: величественный и суровый моноидеизмъ «іудея», изящная и мягкая разносторонность «эллина», сѣрая и дряблая безыдейность «филистера»... Передъ нами проходятъ характеры эмо-

1) «Вопр. Фил. и Псих.», № 73.

ціональные, интеллектуальные, волевые, люди яснаго и спутаннаго сознанія, вѣчно стремящіеся и неизмѣнно-апатичные, и т. д., и т. д. Съ этими людьми мы сближаемся, сталкиваемся, пытаемся ихъ измѣнить и сами измѣняемся подъ ихъ вліяніемъ; и они къ намъ, и мы къ нимъ примѣняемъ различные методы систематическаго или безсистемнаго воздѣйствія: люди воспитываютъ, развращаютъ, исправляютъ, награждаютъ, наказываютъ, поддерживаютъ, устраняютъ другъ друга. Здѣсь лежитъ область, гдѣ психологическая теорія и практика тѣсно соприкасаются между собою, переходя одна въ другую; здѣсь объясненіе и критика пріобрѣтаютъ особенно большое жизненное значеніе. И вотъ, мы хотимъ, въ настоящей статьѣ—путемъ анализа нѣсколькихъ основныхъ типовъ психики, а впослѣдствіи также—путемъ анализа нѣсколькихъ основныхъ методовъ воздѣйствія чловѣка на чловѣка, показать, какимъ образомъ идея психическаго подбора можетъ служить надежной основой для объясненія и оцѣнки такихъ типовъ и методовъ.

Намѣченные нами вопросы лежатъ близъ пограничной черты психологіи съ соціальной наукой. Но это еще не соціально-психологическіе вопросы. Пока мы имѣемъ передъ собою одну психику, или двѣ психики въ ихъ взаимодействіи, то хотя несомнѣнно, что сложились онѣ въ соціальной жизни, мы не выходимъ изъ предѣловъ психологіи, если беремъ этотъ соціальный генезисъ только какъ *данное*, а его результаты—только какъ *постоянную* величину въ нашемъ анализѣ. Вопросы соціальной науки начинаются тамъ, гдѣ двѣ психики берутся не только въ ихъ *взаимномъ* отношеніи, но въ ихъ *общемъ* отношеніи къ *внѣшней природѣ*, въ ихъ сотрудничествѣ. Это уже не входитъ въ нашу задачу.

I.

Въ процессахъ психическаго подбора для анализа очень цѣлесообразно обособить три различныхъ момента—различныхъ, разумѣется, только въ абстракціи и совершенно нераздѣльныхъ въ конкретномъ явленіи: во-1-хъ, тотъ матеріалъ переживаній, который «подлежитъ» психическому подбору; этотъ матеріалъ можно разсматривать со стороны его количества—богатства или бѣдности, со стороны его качественного разнообразія или однородности, со стороны интенсивности отдѣльныхъ пережи-

ваній; во-2-хъ,—направленіе психическаго подбора—въ положительную или въ отрицательную сторону, къ сохраненію и усиленію переживаній или къ ихъ ослабленію и устраненію изъ опыта; это направленіе выражается, какъ мы знаемъ, въ аффекціональ—въ окраскѣ удовольствія или страданія, характеризующей различныя переживанія; въ-3-хъ, интенсивность психическаго подбора въ различные его моменты; ея показателемъ служить, очевидно, интенсивность того же аффекціонала. Соотношенія этихъ трехъ «сторонъ» психическаго подбора бываютъ очень разнообразны, и соотвѣтственно этому весьма неодинаковы бываютъ *результаты* подбора, тѣ психическія комбинаціи и типы строенія, которыя онъ вырабатываетъ.

Идея психическаго подбора создаетъ возможность нѣкоторыхъ дедуктивныхъ выводовъ относительно характера психическаго развитія при тѣхъ или иныхъ условіяхъ подбора. Само собою разумѣется, что такая дедукція имѣетъ значеніе всегда лишь постольку, поскольку оправдывается самимъ опытомъ, поскольку ея выводы не противорѣчатъ фактамъ, но позволяютъ сгруппировать ихъ съ возможно большей полнотой и гармоничностью. Если дедукція оказывается именно таковою, если ея выводы *стычны* по отношенію къ опыту или, что то же, *познавательны полезны*, то самая идея психическаго подбора, какъ основа дедукціи, получаетъ надежное и вполне убѣдительное доказательство въ свою пользу.—Имѣя все это въ виду, мы и перейдемъ теперь къ нѣкоторымъ типичнымъ комбинаціямъ условій психическаго подбора.

Пусть передъ нами слѣдующая идеальная комбинація. Сумма переживаній, вступающихъ въ поле психическаго опыта, представляетъ наибольшій возможный для человѣческой психики данной эпохи максимумъ: громадная масса получаемыхъ «извнѣ» впечатлѣній, въ высшей степени яркихъ и разнообразныхъ, непрерывно расширяетъ поле опыта данной личности, приводя ее въ прямое или косвенное соприкосновеніе со всѣмъ, чѣмъ живетъ ея эпоха. Всѣ эти переживанія не только интенсивны сами по себѣ, но и глубоко задѣваютъ психическую систему въ ея цѣломъ, сильно измѣняютъ ея энергетическое равновѣсіе, словомъ—имѣютъ высокій аффекціональ, являются интенсивными «наслажденіями» и интенсивными «страданіями». Та и другая окраска въ общемъ теченіи опыта сохраняются, положимъ, при-

близительное равновѣсіе: острья наслажденія чередуются съ острыми страданіями, періоды счастья смѣняются періодами горя, и наоборотъ.—Резюмируя всѣ эти условія въ терминахъ психическаго подбора, слѣдуетъ сказать: матеріалъ для подбора maximum, интенсивность подбора maximum, направленіе смѣняющееся, безъ особаго перевѣса въ общемъ для той или другой его стороны.

Какая же получается при такихъ условіяхъ картина психическаго развитія?

Быстрая смѣна получаемыхъ отъ внѣшней среды воздѣйствій уже сама по себѣ означаетъ быстро измѣняющееся поле сознанія; но это было бы только хаосомъ жизни, если бы интенсивный психическій подборъ не обусловливалъ еще иныхъ измѣненій этого поля, именно, направленныхъ въ сторону возрастающей организованности опыта. Интенсивный психическій подборъ создаетъ, какъ мы знаемъ, новыя и новыя формы энергетическаго равновѣсія между различными комплексами элементовъ, или, что то же, создаетъ новыя и новыя ассоціативныя связи. Этимъ путемъ—переживанія превращаются въ психическій опытъ; но и это выражаетъ пока еще только извѣстный minimum психической организованности. Чтобы выяснитъ, какъ процессъ развитія идетъ дальше, намъ слѣдуетъ остановиться на обѣихъ различныхъ сторонахъ психическаго подбора въ отдѣльности.

Интенсивное дѣйствіе отрицательнаго подбора аналогично дѣйствію молота, который дробитъ и уничтожаетъ все непрочное и неустойчивое, но «выковываетъ» то, что дѣйствительно прочно, и выдѣляя его изъ всего остального, придаетъ ему чистоту и опредѣленность формъ. Отрицательный подборъ *стремится* разрушить все, что возникаетъ въ полѣ опыта; но тамъ, гдѣ жизнь богата и сильна, тамъ онъ фактически успѣваетъ разрушить только наименѣе «жизненные», наименѣе устойчивыя комбинаціи. Это, во-1-хъ, тѣ комбинаціи, которыя слабы и блѣдны, которыя неглубоко затрогиваютъ психическую систему, и которыя въ то же время не находятся въ прямой связи съ многократно повторяющимися воздѣйствіями внѣшней среды, воздѣйствіями, способными вновь и вновь вызывать одну и ту же психическую комбинацію; словомъ, это «жизненно не важныя» комплексы, наприм. мимолетныя продукты фантазіи, вообще—«мелочи» пси-

хического опыта. Во-2-хъ, тѣ комбинаціи, которыя «противорѣчивы», «дисгармоничны»: тѣ, которыя слагаются изъ «конкурирующихъ», взаимно-ослабляющихъ другъ друга комплексовъ, особенно—комплексовъ, ассоціированныхъ съ различными волевыми реакціями, — всѣ комбинаціи, имѣющія «эклектическую» окраску, характеръ «компромисса» противоположныхъ жизненныхъ тенденцій.

Въ противоположность этимъ двумъ типамъ, наиболѣе сопротивляются дѣйствию психического подбора комбинаціи двухъ противоположныхъ типовъ. Это, во-1-хъ, тѣ комплексы, которые «жизненно важны», т. е. либо съ большой силой врываются въ потокъ психического опыта, глубоко нарушая его теченіе, либо находятся въ зависимости отъ многократно повторяющихся внѣшнихъ воздѣйствій, благодаря чему постоянно всплываютъ вновь и вновь; тѣ и другіе можно также обозначить, какъ наиболѣе тѣсно связанные съ «объективнымъ міромъ», который есть «внѣшній» для «субъективнаго» психического опыта ¹⁾. Во-2-хъ, тѣ комбинаціи, которыя наиболѣе «гармоничны», въ которыхъ взаимная связь частей наиболѣе прочна, а ихъ взаимное равновѣсіе наиболѣе устойчиво, и тѣ, которыя наиболѣе гармонически ассоціированы съ наибольшимъ количествомъ другихъ устойчивыхъ комплексовъ.—Понятно, что еще большее сопротивление отрицательному подбору будетъ проявляться въ томъ случаѣ, если комплексъ или ассоціация соотвѣтствуютъ обѣимъ характеристикамъ, т. е. и жизненно важны по своей связи съ повторяющимися внѣшними вліяніями, и наиболѣе гармоничны по своей организаціи. Слѣдовательно, при достаточномъ количествѣ матеріала въ сферѣ психического опыта отрицательный подборъ, если онъ достаточно долго и интенсивно дѣйствуетъ, долженъ доставлять преобладаніе именно такимъ, вдвойнѣ устойчивымъ комбинаціямъ. При этомъ все психическое развитіе чловѣка получаетъ двойную окраску: съ одной стороны «реалистическую» (преобладаніе комплексовъ, наиболѣе соотвѣтствующихъ повторяющимся вліяніямъ среды), съ другой—«монистическую» (пре-

1) Міръ «внѣшній», это значитъ, міръ съ иной *закономѣрностью*. И дѣйствительно, какъ мы видѣли, для познанія *закономѣрность* «объективнаго міра» не та, что субъективнаго: это *закономѣрность* *соціально-организованнаго* опыта, а не опыта *индивидуально-организованнаго*, это «*физическая*» связь явленій, а не «*психическая*» ассоціация.

обладаніе гармоничныхъ и гармонически объединенныхъ комплексовъ).

Какія же черты внесетъ въ развитіе психической системы интенсивный положительный подборъ—моменты и періоды «счастія»? Всякое переживаніе, находящееся въ полѣ его дѣйствія, онъ стремится сохранить и усилить; всякую зарождающуюся комбинацію онъ стремится довести до наибольшей полноты и яркости; за каждымъ переживаніемъ онъ стремится немедленно вслѣдъ вызвать въ сознаніе всѣ ассоціированные комплексы, а за ними—всѣ ихъ ассоціаціи, и т. д.; такимъ образомъ онъ постоянно переполняетъ поле сознанія новыми и новыми быстро возникающими переживаніями: потокъ опыта разливается все шире и течетъ все быстрее. При этомъ не успѣваютъ исчезнуть изъ поля сознанія одни комплексы, какъ рядомъ съ ними всплываютъ другіе, третьи, все болѣе далеко отъ нихъ отстоящіе въ ассоціативной цѣпи, и раньше никогда съ ними не встрѣчавшіеся въ сознаніи. А встрѣча въ сознаніи двухъ комплексовъ означаетъ ихъ ассоціативное сближеніе, образованіе хотя бы только слабой, но *прямой* ассоціативной связи между ними, которая затѣмъ можетъ развиваться дальше. Такимъ образомъ матеріалъ опыта выступаетъ во всевозможныхъ ассоціативныхъ комбинаціяхъ, всевозможные способы объединенія имѣющихся переживаній находятъ себѣ мѣсто въ психическомъ опытѣ: все сопоставляется, все сравнивается, все служитъ объектомъ для новыхъ и новыхъ группировокъ. Это называется *творческой дѣятельностью фантазій*. Всякій по опыту знаетъ, какъ широко и роскошно развертывается она въ моменты удовольствія, наслажденія, счастія, и какъ суживается, подавляется въ моменты боли, страданія, горя ¹⁾.

1) Жизнь, полная страданій, нерѣдко порождаетъ „мечтательность“. Но это вовсе не значитъ, чтобы отрицательный подборъ тоже поощрялъ работу фантазій; нѣтъ, здѣсь дѣло происходитъ иначе, и легко видѣть, какъ именно. Отрицательный подборъ понемногу устраняетъ изъ сознанія всѣ „неприятные“ образы и комбинаціи и въ данномъ случаѣ ему *удается* устранить ихъ вполнѣ, въ томъ числѣ и тѣ, въ которыхъ выражаются „реальные“ отношенія психики къ внѣшнему міру. Поле сознанія остается тогда для „приятныхъ“ образовъ и комбинацій, главный недостатокъ которыхъ тотъ, что они „нереальны“. Но такъ какъ они все-таки „приятны“, то на сцену и выступаетъ уже положительный подборъ, а съ нимъ и комбинирующая дѣятельность фантазій, въ данномъ случаѣ, по непрочности своего матеріала и ре-

Въ своемъ полномъ развитіи всякій психическій комплексъ переходитъ въ волевою реакцію, такъ какъ либо заключаетъ ее въ своемъ составѣ, либо съ нею ассоціированъ болѣе или менѣе тѣсно. Положительный подборъ, стремясь довести всякій комплексъ до наибольшей полноты и яркости, тѣмъ самымъ, очевидно, приводитъ къ развитію *активности воли*: интенсивное «счастіе» даетъ силы для дѣятельности.—Этому можетъ сильно препятствовать только вызываемое тѣмъ же положительнымъ подборомъ переполненіе поля сознанія различными образами и волевыми реакціями, при чемъ ни одинъ волевой комплексъ не достигаетъ наибольшей полноты, не «переходитъ въ дѣйствіе» благодаря конкуренціи остальныхъ. Но если въ психикѣ интенсивно дѣйствуетъ и отрицательный подборъ, то это переполненіе легко устраняется, и получаютъ всѣ условія для развитія активно-волевого типа ¹⁾.

зультатовъ, не заслуживающая названія „творческой“. Такимъ образомъ, пока человекъ дѣйствительно *страдаетъ*, онъ не мечтаетъ, и мечтаетъ онъ, пока стимулы страданія вновь не ворвутся властно въ его психику: тогда онъ возвращается къ „мучительной дѣйствительности“ и отрицательному подбору.

1) Въ вопросѣ о значеніи страданія и счастія для активной воли факты опыта кажутся безнадежно противорѣчивыми. Страданіе принято считать *мотивомъ* активной воли, и въ то же время извѣстно, что сильное страданіе *подавляетъ* волю. Счастіе „даетъ силы“ для дѣятельности, и въ то же время счастливая жизнь „изнѣживаетъ“, „разслабляетъ“. Съ точки зрѣнія психическаго подбора всѣ эти кажущіяся противорѣчія разъясняются и устраняются. Что долгое и сильное страданіе *подавляетъ волю*, это *понятно* само собою: отрицательный подборъ ослабляетъ волевые комплексы и не даетъ имъ перейти въ дѣйствія. Но тамъ, гдѣ дѣйствіе отрицательнаго подбора не такъ сильно, или гдѣ волевой комплексъ обладаетъ особенной интенсивностью, тамъ отрицательный подборъ успѣваетъ только устранить другіе комплексы, конкурирующіе съ даннымъ волевымъ комплексомъ, и ищущіе ему перейти въ дѣйствіе, такъ что этотъ переходъ *облегчается*. Въ большинствѣ же случаевъ дѣло еще проще: то же самое *внѣшнее воздействие*, которое „причиняетъ страданіе“, вызываетъ путемъ выработанныхъ предыдущимъ развитіемъ ассоціативныхъ связей и волевою реакцію, направленную къ устраненію этого *воздѣйствія*: видъ врага не только „неприятенъ“, но и тѣсно ассоціированъ съ реакціями борьбы, и т. п. Наконецъ, тамъ, гдѣ человекъ сознательно ставитъ своей цѣлью „прекратить страданіе“ и для этого „дѣйствуетъ“, тамъ играетъ важную роль и положительный подборъ: данная волевая реакція тѣсно ассоціирована съ „приятнымъ“ представленіемъ объ устраненіи „неприятныхъ“ условій, порождающихъ страданіе. Словомъ, всѣ противорѣчивыя отношенія между страданіемъ и активностью

Общая картина развитія психики при намѣченныхъ нами идеальныхъ условіяхъ оказывается такова. Громадная масса непосредственныхъ переживаній, какъ результатъ разнообразныхъ воздѣйствій среды; всевозможныя комбинаціи психическихъ комплексовъ, вырабатываемыя изъ матеріала этихъ переживаній положительнымъ психическимъ подборомъ; сохраненіе изъ всѣхъ этихъ комбинацій, подъ дѣйствіемъ отрицательнаго подбора, только тѣхъ, которыя наиболѣе устойчивы въ силу своей связи съ наиболѣе повторяющимися вліяніями среды и въ силу своей гармоничности. Получается психическій типъ, характеризующійся *творчествомъ, активностью воли, реализмомъ міровоззрѣнія и монистической его тенденціей.*

Если при этомъ человѣкъ находится въ широкомъ общеніи съ другими людьми, если онъ интенсивно и полно воспринимаетъ ихъ опытъ при посредствѣ ихъ высказываній, то въ матеріалѣ его психики найдутъ себѣ мѣсто всѣ общія и важныя противорѣчія жизненнаго опыта современнаго ему общества, всѣ существенныя запросы и потребности его эпохи. Тогда его психическое развитіе, въ силу своей монистической тенденціи, будетъ направлено къ гармоническому примиренію этихъ общихъ противорѣчій, къ удовлетворенію этихъ общихъ запросовъ и потребностей; и разрѣшеніе этихъ задачъ въ данной психикѣ будетъ, съ одной стороны, наиболѣе полнымъ и совершеннымъ, благодаря могучему творчеству и активной волѣ, съ другой стороны наиболѣе надежнымъ и устойчивымъ, благодаря реалистическимъ его основамъ. Передъ нами явится *энциклопедическій гений своего времени*¹⁾.

Этотъ типъ, какъ «нормальный», мы и сдѣлаемъ исходной точкой нашею дальнѣйшаго анализа. Мы будемъ разсматривать— во что превращается, или лучше, чѣмъ замѣняется этотъ типъ при томъ или иномъ измѣненіи условій психическаго подбора. Намъ не можетъ затруднять то обстоятельство, что въ дѣйствительности, можетъ быть, совсѣмъ не найдется психики, сколько-нибудь соотвѣтствующей этой нормѣ. Данная норма выражаетъ

могутъ быть объяснены при помощи психическаго подбора. (Объ отношеніяхъ „удовольствія“ и активности намъ придется говорить въ дальнѣйшемъ).

¹⁾ Въ міровой литературѣ типъ этотъ представленъ (приблизительно) Фаустомъ Гёте.

для насъ *прогрессивную тенденцію психическаго развитія* и есть предѣльная абстракція познанія. Съ такими предѣльными абстракціями познаніе необходимо оперируетъ во всѣхъ наукахъ тогда, когда стремится установить *общіе законы* явленій. Задача заключается въ томъ, чтобы отъ предѣльной абстракціи, выражающей идеально-простыя условія, переходить шагъ за шагомъ, вводя одно за другимъ осложняющія условія, къ пониманію конкретной дѣйствительности, какую мы находимъ въ своемъ опытѣ.

II.

Предположимъ, всѣ основныя условія психическаго подбора остаются тѣ же, что въ нашемъ идеальномъ случаѣ, кромѣ только одного: отрицательный психическій подборъ сравнительно ослабленъ, моменты и періоды страданія далеко не соотвѣтствуютъ моментамъ и періодамъ наслажденія, эти послѣдніе рѣшительно преобладаютъ. Передъ нами «счастливчикъ», которому все удается, для котораго радости не покупаются дорогой цѣной, которому внѣшнія условія, «среда», гораздо болѣе благопріятны, чѣмъ враждебны. Какой типъ психическаго развитія получится въ этомъ случаѣ?

Общее богатство переживаній должно здѣсь оказаться, съ грубо-количественной стороны, не меньше чѣмъ въ предыдущемъ случаѣ, если даже не больше: сумма первоначальнаго матеріала переживаній, получаемого изъ внѣшней среды, какъ мы приняли, количественно не измѣнена, а положительный подборъ, дѣйствуя на свободѣ, поддерживааетъ и вновь создаетъ всевозможныя комбинаціи изъ этого матеріала, тогда какъ разрушающая эти комбинаціи дѣятельность отрицательнаго подбора относительно слаба и ограничена. Но, очевидно, уже съ качественной стороны здѣсь съ самаго начала дается меньше: разнообразіе получаемыхъ извнѣ впечатлѣній менѣе значительно, потому что «непріятныя», отрицательныя воздѣйствія среды слабо представлены въ общей суммѣ впечатлѣній. Базисъ психической жизни все-таки относительно уже,—но только относительно, по сравненію съ идеальнымъ типомъ.

Творческая, комбинирующая дѣятельность психики—«фантазія», которая зависитъ, какъ мы видѣли, ближайшимъ образомъ отъ положительнаго психическаго подбора, должна развернуться

очень широко, создавать непрерывно массы новыхъ и новыхъ ассоціативныхъ продуктовъ; но ихъ характеръ и жизненное значеніе уже не тѣ. Ихъ развитіе лишь слабо контролируется избирательнымъ дѣйствіемъ отрицательнаго подбора, который разрушаетъ всѣ менѣе устойчивыя комбинаціи, при чемъ болѣе устойчивыя сохраняются и получаютъ тѣмъ большій просторъ для дальнѣйшаго развитія. Здѣсь же сохраняются и такія комбинаціи, которыя не удержались бы въ психикѣ «нормальнаго» типа; здѣсь остается масса и комбинацій «не-реалистическихъ» и комбинацій «не-монистическихъ» (эклектическихъ, дисгармоничныхъ): общая картина психической жизни представляется такой, что «воображеніе» преобладаетъ надъ «критикой», и психическому цѣлому не хватаетъ строгой, гармоничной стройности, въ ней много «блеска» и «разносторонности», но сравнительно мало монистическаго «порядка».

Активность воли здѣсь также получаетъ своеобразный отпечатокъ. Для ея количественнаго развитія положительный подборъ, какъ мы видѣли, въ общемъ благопріятенъ: онъ поддерживаетъ и усиливаетъ множество комбинацій, завершающихся волевыми актами. Но именно потому, что такое завершеніе наступаетъ слишкомъ легко, что нѣтъ достаточнаго избирательнаго контроля надъ волевыми реакціями, какой въ «нормальномъ» случаѣ осуществляется интенсивнымъ отрицательнымъ подборомъ, именно поэтому волевая жизнь получаетъ окраску порывистой безсистемности. Много движенія, много дѣйствій, но переходъ отъ однихъ стремленій и намѣреній къ другимъ совершается сравнительно легко, и въ дѣятельности не замѣчается устойчиваго направленія: она также не достаточно «монистична».

Если перевѣсъ положительнаго подбора надъ отрицательнымъ становится чрезмѣрно великъ, то волевой типъ понижается еще въ большей мѣрѣ. Безконечная масса вновь и вновь возникающихъ непрочныхъ психическихъ комбинацій, развертывающихся въ сознаніи безъ стѣсненія и задержки, постоянно переполняющихъ поле сознанія, приносятъ съ собой такую же массу разнообразныхъ волевыхъ комплексовъ, столь же беспорядочно тѣснящихся въ сознаніи. Понятно, что тогда эти волевые комплексы, именно въ силу своей многочисленности и коренной неустойчивости, не могутъ и не успѣваютъ перейти въ «дѣйствія», а

остаются на стадіи «стремленій», и притомъ недостаточно выработанныхъ, неопредѣленныхъ стремленій, больше легкихъ, расплывающихся «эмоцій», чѣмъ собственно стремленій. Внѣшняя активность оказывается ничтожна: воля «разслаблена», «изнѣжена», дѣятельность замѣнена «мечтательностью», «грезами чувства». Это состояніе воли выражено тѣмъ рѣзче и сильнѣе, что оно возможно вѣдь только при отсутствіи «непріятныхъ» внѣшнихъ воздѣйствій большой силы, которые, глубоко потрясая психическую систему, вызываютъ растрату ея энергіи въ различныхъ направленіяхъ, въ томъ числѣ возбуждаютъ энергичныя волевая реакціи (физиологически — потоки иннервации). Такимъ образомъ, стимуловъ активной воли гораздо меньше, а выработка полныхъ волевыхъ реакцій невозможна благодаря слишкомъ большому количеству и неустойчивости волевыхъ комплексовъ, заполняющихъ поле психического опыта ¹⁾.

Дѣйствіе многихъ наркотическихъ ядовъ, какъ морфій, гашишъ, алкоголь, въ «пріятной» своей фазѣ вызываетъ временно то психическое состояніе, которое при *постоянной* слабости отрицательнаго подбора превращается въ особый типъ психического развитія. Дѣйствіе яда устраняетъ всѣ «непріятныя» возбужденія и даетъ полный просторъ положительному подбору; получается быстрая смѣна неустойчивыхъ психическихъ комплексовъ, сопровождаемая сначала нѣкоторой беспорядочной активностью воли въ видѣ проявленій физической подвижности, говорливости и т. д., а затѣмъ — «мечтательнымъ» настроеніемъ и бездѣятельностью. Впрочемъ, дѣйствіе наркотиковъ мѣняется въ зависимости отъ различныхъ условій — но оно именно таково, какъ мы сейчасъ описали, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда оно наиболѣе «пріятно» ²⁾.

1) Такъ объясняется кажущееся противорѣчіе между счастьемъ, какъ источникомъ энергіи для активной воли, и счастьемъ, какъ источникомъ изнѣженности, убывающей активностью воли (см. послѣднее примѣчаніе предыдущ. §).

2) Маниакальная экзальтація представляетъ патологическій случай такого крайняго преобладанія въ психикѣ положительнаго подбора, что отрицательный почти исчезаетъ. вмѣстѣ съ нимъ отступаетъ гармонизирующая тенденція, и получается картина безсвязнаго и бессистемнаго вступленія въ психическое поле все новыхъ и новыхъ переживаній, бурнымъ вихремъ переполняющихъ сознание и порождающихъ столь же безсвязную и бессистемную

Итакъ, преобладаніе положительнаго подбора надъ отрицательнымъ вызываетъ отклоненіе отъ «нормальнаго» типа къ новому; этотъ послѣдній характеризуется въ общемъ преобладаніемъ «фантази» надъ реалистической тенденціей, благодушнаго эклектизма—надъ монистической, относительной неустойчивостью направленія воли, а въ болѣе рѣзко выраженныхъ случаяхъ—прямо ея слабостью. Это типъ разносторонній, но менѣе глубокій, тотъ типъ, который Гейне обозначилъ какъ «эллинскій». Въ древней Греціи онъ дѣйствительно былъ довольно распространенъ (главнымъ образомъ именно въ эпоху жизненнаго maximum ея культуры и начинающагося упадка). Самъ Гейне — довольно типичный представитель «эллинизма» въ этомъ смыслѣ.

Въ наше время представителями такого «эллинизма» являются по преимуществу «артистическія натуры». Для творчества образцовъ, для занятія искусствомъ этотъ типъ наиболѣе благопріятенъ. Но все же и здѣсь крайніе его представители обнаруживаютъ только высокую «даровитость», но не создаютъ ничего жизненно-устойчиваго, соціально-цѣннаго. Чѣмъ въ большей мѣрѣ выступаетъ на сцену отрицательный подборъ—страданія и бѣдствія и тяжелый трудъ наряду съ періодами счастья и наслажденія веселой жизнью,—тѣмъ больше возрастаютъ здѣсь шансы гармоническаго, стройнаго, истинно-художественнаго творчества, и тѣмъ больше условій для жизненной реальности самыхъ образцовъ. «Даровитость» смѣняется «талантомъ»; а когда интенсивность отрицательнаго подбора приближается къ соотвѣтствію съ интенсивностью положительнаго, то при громадномъ богатствѣ жизненнаго матеріала возникаютъ условія для выработки *артистическаго гения*. Роль страданія въ развитіи истинно-гармоническаго творчества слишкомъ хорошо извѣстна и слишкомъ часто подчеркивалась самими великими артистами, особенно поэтами. Странаніе гармонизируетъ психическую жизнь, если она богата и могуча; недаромъ странаніе налагаетъ на лицо сильныхъ людей отпечатокъ особеннаго «благородства», которое выражаетъ собою принципиальное единство въ направленіи воли. Великое

активность въ видѣ массы ненужныхъ движеній, болтовни и т. д. „Пріятное“ самочувствіе бросается въ глаза.

При настоящей „маніи“ дѣло сложнѣе—тамъ уже на почвѣ ненормальнаго теченія психическаго подбора совершается глубокая общая дезорганизация системы.

произведеніе, выстраданное гениальнымъ артистомъ—это жизненно-стройное, монистически-идеализированное воплощеніе того бурнаго потока переживаній, который беспорядочно и неудержимо проносился въ сознаніи артиста, пока гармонизирующая сила страданія не измѣнила его формы и направленія сообразно *своимъ* законамъ. Это законы сильной жизни, которая не боится тяжелыхъ ударовъ, которая побѣждаетъ боль, которая самую смерть дѣлаетъ для себя средствомъ. Эти законы — тотъ высшій реализмъ, который называютъ «объективностью» творчества, и то высшее единство переживаемаго, которому поклоняются подъ именемъ гармоніи и красоты.

Такъ разрушительная сила жизни превращается въ творческую—тамъ, гдѣ жизнь ее преодолеваетъ.

III.

Разсмотримъ теперь другой типъ уклоненій отъ нашей «нормы»: при томъ же основномъ богатствѣ психической жизни преобладаніе *отрицательнаго* подбора,—разнообразіе воспріятій, «глубокая впечатлительность» — и много, очень много страданій, гораздо больше, чѣмъ наслажденія и счастья. Въ нашемъ мірѣ, полномъ борьбы и противорѣчій, такое сочетаніе условій встрѣчается гораздо чаще, чѣмъ обратный случай, только что разсмотрѣнный нами; и однако чистый типъ, соотвѣтствующій этому случаю, встрѣчается рѣже. Почему такъ—объяснить очень трудно.

Страданіе—разрушительная сила: въ немъ выражается пониженіе энергіи системы, уменьшеніе жизни; это—частичная смерть. Поэтому систематическій перевѣсъ страданія надъ удовольствіемъ повидимому, долженъ всегда вести къ упадку системы, къ ея деградаціи, а затѣмъ гибели. Это такъ бы и было, если бы *все* измѣненія психической системы протекали въ сферѣ сознанія; тогда непосредственный психическій опытъ прямо указывалъ бы человѣку, въ какую сторону направляется его жизненный процессъ, въ сторону развитія или разрушенія. Но сознаніе соотвѣтствуетъ только *главной* координаціи измѣненій психики; а въ нее входятъ далеко не всѣ «непосредственныя переживанія», и даже не большая ихъ часть. Какъ мы выясняли, за предѣлами психическаго опыта, въ жизненной связи съ главной координа-

ціей существуетъ масса другихъ, болѣе мелкихъ группировокъ, въ которыхъ и протекаетъ наибольшая часть непосредственныхъ переживаній данной системы. За сознаниемъ скрывается «безсознательное», точнѣе — «внѣсознательное», потому что форма организациі этихъ группировокъ та же, именно ассоціативная, и если онѣ не «сознаются», то по той же причинѣ, по которой человекъ не можетъ непосредственно «сознавать» переживаній другого человека — по причинѣ относительной самостоятельности этихъ группировокъ ¹⁾). Такимъ образомъ, психическій организмъ гораздо шире, чѣмъ область сознанія, — «переживается» гораздо больше, чѣмъ «сознается».

Очевидно, что «за предѣлами сознанія» можетъ происходить накопленіе энергіи въ то самое время, какъ въ сферѣ сознанія — ея растрата; и тогда, несмотря на то, что въ сознаніи преобладаетъ окраска отрицательнаго подбора — страданіе, — психика въ цѣломъ можетъ не приходить въ упадокъ, а развиваться, и даже не только качественно — въ смыслѣ стройности и единства, но и количественно — въ смыслѣ богатства содержанія. Тогда и получится тотъ типъ психическаго развитія, о которомъ мы будемъ сейчасъ говорить. Но естественно, что такъ бываетъ далеко не всегда, и даже скорѣе лишь въ меньшинствѣ случаевъ. Гораздо чаще растрата жизни, происходящая въ сферѣ сознанія, не вознаграждается ея стихійнымъ ростомъ за его предѣлами; и страданія истощаютъ психику, ведутъ ее къ деградациі — жизнь разбивается.

Пусть передъ нами могучая натура, полная стихійныхъ силъ жизни, способная развиваться сквозь массу страданій, вновь и вновь почерпающая изъ темной глубины внѣсознательнаго ту энергію, которую уносятъ отъ нея жестокія воздѣйствія «внѣшняго міра». Тяжелый молотъ страданія дробитъ и уничтожаетъ все, что есть въ этой психикѣ слабого, непрочнаго, мелкаго. Въ какую же форму она тогда выковывается?

Въ «идеальной» психикѣ, судьба которой одинаково полна счастья и горя, наслажденій и боли, — страданія приносятъ съ собой двойную тенденцію жизни, реалистическую и монистическую: разбивая все неустойчивое и дисгармоничное, они не въ

¹⁾ Попытку „объясненія“ этой жизненной самостоятельности я далъ въ статьѣ „Universum“ сборникъ „Эмпириомонизмъ“, Москва, 1904 г.

силахъ подорвать ни тѣхъ жизненныхъ комбинацій, которыя имѣютъ опору въ повторяющихся вліяніяхъ среды, ни тѣхъ, которыя, будучи сами по себѣ гармонически-цѣлостны, въ то же время гармонически сплетаются со множествомъ другихъ, прочныхъ и устойчивыхъ комбинацій. Но получится ли то же самое при измѣненныхъ условіяхъ—когда жизнь даетъ гораздо больше страданій, когда могучую психику систематически преслѣдуетъ судьба?

Злая судьба—это внѣшнія силы, это среда, это «реальность». Реалистическіе образы, прочность которыхъ зависитъ отъ ихъ «реальной» основы—повторяющихся воздѣйствій среды, — окрашиваются въ громадномъ большинствѣ интенсивно-мрачнымъ цвѣтомъ: *противъ нихъ* направляется отрицательный подборъ гораздо интенсивнѣе, чѣмъ при болѣе «справедливой» судьбѣ; и онъ подрываетъ ихъ жизненное значеніе въ общей системѣ психики. Они не устраниаются: *этою* отрицательный подборъ, вообще говоря, сдѣлать не въ силахъ, разъ дѣло идетъ о такихъ образахъ, въ которыхъ отражаются вновь и вновь повторяющіяся вліянія среды; но они *блѣднѣютъ*, и не въ нихъ концентрируется жизнь сознанія. Наибольшую роль въ психическомъ творествѣ играютъ тѣ немногіе «реалистическіе» комплексы, которые окрашиваются не отрицательнымъ, а положительнымъ аффекціономъ (намекъ самой жизни на счастье), и еще больше—тѣ производныя отъ «реальныхъ» комбинацій, которыя сами не «реальны», т. е. *не имѣютъ себѣ прямой опоры во внѣшней средѣ*, но постоянно сопровождаются положительнымъ аффекціономъ (идеальная картина счастья). Это налагаетъ на все развитіе психики тотъ своеобразный отпечатокъ, который характеризуется словомъ «утопизмъ». Утопизмъ есть отнюдь не простая «мечтательность» и не простое «фантазированіе»: мечтатель и фантастъ отличаются богатствомъ и неустойчивостью возникающихъ психическихъ комбинацій, при чемъ у перваго онѣ болѣе блѣдны, у втораго—болѣе ярки; у «утописта» продукты творчества немногочисленны, но очень устойчивы, потому что преобладаніе отрицательнаго подбора не допускаетъ «легкой игры фантазіи», и разрушаетъ наибольшую часть ея результатовъ.

Такимъ образомъ, крайнее преобладаніе отрицательнаго подбора порождаетъ не реалистическую, а до извѣстной степени противоположную ей, *утопическую* тенденцію въ развитіи психики.

Зато *монистическая* тенденція бываетъ при этомъ выражена въ полной мѣрѣ. Разрушительное дѣйствіе отрицательнаго подбора могутъ выдержать только тѣсно сплоченныя, стройныя, чуждыя всякихъ внутреннихъ противорѣчій комбинаціи; всякія дисгармоничныя связи и отношенія устраняются, и психическое цѣлое выступаетъ, въ результатѣ такого развитія, какъ строго цѣлостная система ¹⁾. Все психическое содержаніе послѣдовательно группируется въ одномъ направленіи, все тѣсно связывается и охватывается одною могучей идеей, на которой концентрируется вся энергія жизни.

Активность воли при этомъ не можетъ быть экстенсивною—отрицательный подборъ не допускаетъ развиваться множеству разнообразныхъ волевыхъ импульсовъ; но за то она отличается большою интенсивностью и неуклонной послѣдовательностью, строгимъ единствомъ направленія. Единство это вытекаетъ изъ той же «монистичности» строенія психическаго организма, при которой волевая реакція, связанная съ основными, тѣсно объединенными между собою группами переживаній, не встрѣчаютъ себѣ никакой конкуренціи со стороны иныхъ реакцій, такъ какъ тѣ быстро подавляются отрицательнымъ подборомъ; интенсивность же волевой жизни зависитъ частью отъ этого же единства, отъ слабости конкуренціи между волевыми комплексами, частью отъ большой энергіи переживаній данной психики вообще: сильныя страданія означаютъ энергичныя, во всякомъ случаѣ, воздѣйствія среды, глубокія потрясенія психической системы, а стало быть и интенсивныя отвѣтныя воздѣйствія на эту самую среду, большую растрату энергіи на волевые импульсы...

Итакъ, вотъ основныя черты этого третьяго типа психическаго развитія: *утопизмъ*, строгая *послѣдовательность* мышленія и воли, неуклонная *активность* въ жизненной борьбѣ. Это типъ «іудея», какимъ его рисуетъ Гейне. Дѣйствительно, среди еврейской расы, съ ея поразительной жизнеспособностью и мучительной

¹⁾ Въ сферѣ познанія ассоціаціи по сходству (формы обобщенія) въ общемъ, какъ мы видѣли, *болѣе* основаны на гармоніи объединяемыхъ переживаній, чѣмъ ассоціаціи по различію (формы различенія), въ которыхъ играетъ извѣстную роль *конкуренція* переживаній. И характерно, что въ разсматриваемомъ нами психическомъ типѣ первый типъ ассоціацій рѣшительно преобладаетъ надъ вторымъ: *общему* въ явленіяхъ придается наибольшее значеніе, *различія* сравнительно слабо воспринимаются.

исторической судьбой, этотъ типъ встрѣчается чаще, чѣмъ гдѣ-либо; это типъ ветхозавѣтныхъ пророковъ, а также позднѣйшихъ узкихъ и суровыхъ учителей и вождей этого племени. Но и среди другихъ нашихъ къ этому типу принадлежали многіе изъ великихъ борцовъ за идею, сильныхъ своей непреклонной послѣдовательностью. Одинъ изъ самыхъ чистыхъ и законченныхъ его представителей—это нашъ протопопъ Аввакумъ. Его ужасная біографія ставитъ передъ нами загадку о томъ, какъ изъ непрерывной цѣпи невѣроятныхъ страданій возникаетъ гигантская сила желѣзной воли, абсолютно неспособной себѣ измѣнить ни при какихъ условіяхъ. Наша точка зрѣнія разъясняетъ эту загадку—загадку жизни всѣхъ великихъ аскетовъ и пламенныхъ фанатиковъ одной идеи.

Трудно сказать, кто больше далъ для развитія и силы человечества, свѣтлые ли, жизнерадостные «элмины», представители переливающейся черезъ край полноты жизни, или суровые моноидеисты «іудеи», представители той принципіальной гармоніи жизни, которая выражается въ ея стихійной цѣльности, во всепобѣждающей *вѣрности себѣ*¹⁾.

IV.

Всѣ три до сихъ поръ рассмотрѣнные нами типа психическаго развитія представляютъ изъ себя *предельныя величины* въ томъ смыслѣ, что предполагаютъ наибольшій и по количеству и по разнообразію матеріалъ переживаній, какой только исторически возможенъ, а также равномерно или неравномерно, но всегда *съ наибольшей интенсивностью* дѣйствующій психическій подборъ. Теперь намъ слѣдуетъ перейти къ болѣе, такъ сказать, обыденнымъ типамъ психическаго развитія, къ типамъ, относящимъ дальше отъ максимум жизни сознанія.

Итакъ, пусть у насъ остается только одно изъ двухъ условій максимум, именно, наибольшая возможная интенсивность психическаго подбора—человѣкъ глубоко и сильно «чувствуетъ» все, что переживаетъ. Матеріалъ же опыта количественно ниже максимум — здѣсь можно представить рядъ нисходящихъ ступеней общей величины этого матеріала; качественно онъ, поло-

1) Въ литературѣ этотъ типъ всего ярче представленъ „Брандомъ“ Ибсена.

жимъ, какъ въ прежнихъ примѣрахъ разнообразенъ и разностороненъ, захватывая всѣ области непосредственнаго чувственнаго опыта и опыта косвеннаго, переданнаго въ социальномъ общеніи; впечатлѣнія разнообразны, и не только разнообразны, но также интенсивны: цвѣта, тона, запахи и т. д. воспринимаются ясно и выступаютъ ярко въ сознаниі; только богатство впечатлѣній не такъ велико, какъ въ «идеальныхъ» случаяхъ. Тогда интенсивный психическій подборъ создаетъ рядъ типовъ, весьма аналогичныхъ тремъ предыдущимъ, можно сказать—имъ параллельныхъ, но лежащихъ въ иной, ниже проходящей плоскости. Это типы болѣе «простые».

Психическое творчество, организующее данный матеріалъ переживаній, здѣсь въ силу большей узости своего базиса не можетъ простираться ни такъ широко, ни такъ далеко, какъ въ высшихъ типахъ. Представитель гармонически-уравновѣшенной дѣятельности психическаго подбора не явится здѣсь великимъ монистическимъ организаторомъ всеобщаго опыта своей эпохи, потому что психика его не охватываетъ этого опыта; но всѣ основныя тенденціи «нормальнаго» типа найдутъ въ этой психикѣ полное выраженіе. Это будетъ реалистъ съ яснымъ взглядомъ на жизнь, человѣкъ легко и свободно подводящій итоги своему опыту и умѣющій сдѣлать изъ него жизненно-вѣрные выводы; человѣкъ, активная воля котораго разумно и послѣдовательно воздѣйствуетъ на внѣшній міръ, въ полномъ соотвѣтствіи съ тѣми взглядами, которые онъ для себя выработалъ самъ или усвоилъ отъ другихъ. Если это образованный, развитой человѣкъ, то онъ можетъ оказаться талантливымъ и мужественнымъ, но всегда чуждымъ односторонности и узости борцомъ за идею, которую онъ принялъ, какъ руководящій принципъ своей жизни; или же онъ проявитъ себя только неизмѣнной корректностью и благородствомъ въ отношеніяхъ къ другимъ людямъ, съ которыми столкнетъ его жизнь: англійскіе романисты часто рисуютъ такой типъ «современнаго джентльмена». Если сумма его развитія, по обстоятельствамъ жизни, окажется невысока, то это будетъ одинъ изъ тѣхъ «простыхъ» людей, которые поражаютъ насъ внутренней гармоніей своего психическаго склада, философски яснымъ и твердымъ отношеніемъ къ жизни. Такіе люди, близкіе къ массамъ по условіямъ жизни и матеріалу опыта, въ критическіе моменты исторіи нерѣдко ока-

зываются «героями» и увлекаютъ за собою «толпу», которая въ нихъ находитъ ближайшихъ и наиболѣе непосредственныхъ выразителей своихъ потребностей и стремленій, которая невольно довѣряетъ здоровой и сильной логикѣ ихъ словъ и дѣйствій. Мнѣ кажется, что напр. Георгъ Вашингтонъ—человѣкъ отнюль не «генія»—принадлежалъ именно къ этому типу людей; таковы же, мнѣ кажется, Гладстонъ, Авраамъ Линкольнъ... Въ наше время всего больше представителей этого типа можно найти среди англо-саксонской расы; въ древнемъ мѣрѣ ихъ было много среди вождей римскаго народа—до эпохи его упадка.

Благородный типъ гейневскаго «элина» гораздо больше теряетъ въ своей красотѣ и величїи, какъ только первичный матеріаль его психической жизни удаляется отъ maximum. Блескъ живого, огненнаго творчества исчезаетъ; свѣтлая, жизнерадостная игра фантазіи теряетъ то широкое жизненное значеніе, какое имѣетъ она тогда, когда въ основѣ ея лежитъ максимальный опытъ, общечеловѣческій по своему содержанію. Утрачивая широту и глубину, эта игра фантазіи становится «поверхностной» и «легкомысленной»; ея типическую форму представляетъ въ этомъ случаѣ такъ называемое «остроуміе» свѣтскихъ разговоровъ и прїятельскихъ бесѣдъ между благодушными алкоголиками. Эклектизмъ здѣсь въ общемъ еще значительнѣе, чѣмъ у представителей благородно-элинскаго типа, потому что опытъ менѣе широкій и полный уже самъ по себѣ болѣе разрозненъ и прерывистъ по содержанію, такъ что труднѣе поддается организующей тенденціи, даже когда она болѣе сильна, чѣмъ въ данномъ рядѣ случаевъ. Объ опредѣленномъ и устойчивомъ направленіи воли, разумѣется, не можетъ быть и рѣчи. Здѣсь люди живутъ «минутой», и постоянны, обыкновенно, только въ измѣнчивости. Степени проявленія всѣхъ этихъ тенденцій зависятъ, конечно, отъ того, въ какой мѣрѣ положительный подборъ преобладаетъ надъ отрицательнымъ; а большее или меньшее богатство первичнаго содержанія, даваемого внѣшними впечатлѣніями, обуславливаетъ различные оттѣнки этого типа, отъ артистическихъ натуръ (съ дилеттантскимъ оттѣнкомъ вслѣдствіе слабости творчества) до банальныхъ бонвивановъ (обыкновенно, съ развратнымъ оттѣнкомъ, въ родѣ «золотой молодежи»).

Представителей подобнаго типа всего больше бываетъ среди паразитическихъ классовъ общества, въ началѣ ихъ вырожденія,

и понятно почему. Паразитизмъ обезпечиваетъ богатство пріятныхъ впечатлѣній, но суживаетъ сферу жизни вообще, исключая изъ нея полезный трудъ и общеніе съ другими классами, живущими болѣе активной и полной жизнью. Такимъ образомъ, для эллинскаго типа психика оказывается слишкомъ бѣдна; она слишкомъ мелко-жизнерадостна. Но и такой она остается только на раннихъ ступеняхъ вырожденія: дальше, съ пониженіемъ общей энергіи психики, всѣ переживанія становятся все менѣе глубоки, психическій подборъ, и положительный и отрицательный, все болѣе слабымъ; совершается переходъ къ еще низшему типу, о которомъ намъ придется еще говорить въ дальнѣйшемъ.

Теперь, во что же превращается благородный «іудейскій» типъ, когда при той же глубинѣ и силѣ аффекціональной жизни у него отнимается широкой базисъ громаднаго богатства первичныхъ переживаній? Получается тоже «іудей», но гораздо болѣе узкій, ограниченный, консервативный. Организующая тенденція имѣетъ здѣсь для себя слишкомъ мало матеріала, и матеріаль относительно разрозненный, такъ что самостоятельно создать стройную монистическую систему здѣсь она, вообще говоря, не можетъ; но въ общеніи съ другими людьми представители даннаго типа нерѣдко находятъ готовя, достаточно гармонирующія съ ихъ личнымъ опытомъ системы, и тогда усваиваютъ эти системы въ высшей степени глубоко и надежно. Это бывають фанатики принятой догмы, неудержимо послѣдовательные въ своемъ фанатизмѣ, беспощадные къ себѣ и другимъ,—прекрасныя орудія въ рукахъ организаторовъ—людей высшихъ типовъ.

Католическая церковь въ своихъ монастыряхъ систематически подготовляла такія орудія, планомѣрно создавая всѣ условія для выработки даннаго типа: стѣны монастыря служили средствомъ сузить область опыта, матеріаль первичныхъ переживаній; посты, послушанія, наказанія и всякое «умерщвленіе плоти» гарантировали преобладаніе отрицательнаго подбора надъ положительнымъ. Оставалось дать мрачную, но цѣльную догму—и тупые изувѣры были готовы, и инквизиціи было изъ чего выбирать. Въ еврейской націи распространенность этого типа вытекаетъ изъ историческихъ судебъ еврейскаго народа: обособленіе отъ окружающей христіанской среды обусловливало относительную узость опыта, а всевозможныя притѣсненія и преслѣдованія со стороны

этой же среды—относительный перевѣсъ страданій и горя надъ радостями жизни ¹⁾).

Разсмотрѣнная нами вторая группа типовъ, какъ мы уже указывали, параллельна первой; это какъ бы уменьшенная и недоразвитая вариация отъ первой группы. Та относительная узость опыта, которая обуславливаетъ это «уменьшеніе» и «недоразвитіе», можетъ, конечно, зависть иногда отъ такъ наз. «органическихъ причинъ», каковы, напр., наслѣдственное несовершенство органовъ воспріятія, наслѣдственно полученные инстинкты или очень рано развившіяся привычки, направленные къ суженію и ограниченію сферы воспринимаемаго и т. д. Но гораздо чаще все зависитъ отъ непосредственной среды, именно «технической» и «соціальной». Мыслимо ли, чтобы изъ крестьянскаго ребенка развился какой-нибудь высшій типъ психической жизни, когда весь матеріалъ его опыта ограничивается нѣсколькими квадратными верстами пространства, и традиціоннымъ сплошнымъ мышленіемъ окружающихъ? И сколько возможныхъ зародышей высшей жизни губить фатальная узость и бѣдность женскаго воспитанія? Тутъ человѣчеству есть съ чѣмъ бороться, тутъ ему предстоятъ великія побѣды.

V.

Переходимъ къ дальнѣйшимъ вариациямъ въ характерѣ и направленіи психическаго развитія. Пусть интенсивность психиче-

¹⁾ Психоневрозъ „меланхолія“ представляетъ крайній случай преобладанія отрицательнаго подбора при крайне бѣдномъ содержаніи переживаемаго. Страшно интенсивный отрицательный подборъ устраняетъ изъ сознанія или до крайности ослабляетъ всѣ переживанія, кромѣ тѣхъ, которые вновь и вновь вызываются внѣшними для сознанія органическими причинами (судорожное состояніе сосудодвигательной системы). Эти мучительныя переживанія заполняютъ поле сознанія и влекутъ за собой свои ассоціаціи, легко понятія—какія. Вѣдь раньше тѣ же состоянія сосудодвигательной системы выступали при тягостныхъ эмоціяхъ—тоски, страха, стыда—въ связи съ соответственными образами чего-нибудь печальнаго, ужаснаго, позорнаго. Вотъ эти образы и вступаютъ въ сознаніе безъ конкуренціи и налагаютъ свою печать на высказыванья меланхолика (грусть, преврѣніе къ себѣ, самоотрицаніе). Активность въ общемъ чрезвычайно подавлена, только иногда мучительная эмоція вызываетъ такую сильную волевою реакцію, что ея не въ силахъ подавить отрицательный подборъ, и она бываетъ тогда неудержима (gertus mel.).

скаго подбора не maximum, какъ во всѣхъ предыдущихъ случаяхъ, а иная, меньшая величина: аффекціональная жизнь менѣе глубока, переживанія не такъ сильно затрогиваютъ психику, и радости и страданія сознаются менѣе живо и энергично. Это—болѣе «обыденныя» натуры, съ болѣе «блѣднымъ» существованіемъ.

Изъ числа логически мыслимыхъ комбинацій здѣсь можно ранѣе исключить всѣ тѣ, которыя включаютъ maximum первичныхъ, непосредственныхъ переживаній—наибольшее возможное богатство «впечатлѣній». Такія комбинаціи жизненно-невозможны, изъ нихъ не можетъ получиться особыхъ типовъ психическаго развитія. Maximum переживаній только тогда получаетъ сколько-нибудь организованную, цѣльную форму, когда организующій процессъ—психическій подборъ—совершается съ большой интенсивностью, максимальной или близкой къ maximum; иначе получится нѣчто неорганизованное, противорѣчивое, своего рода психическій хаосъ, который, конечно, не есть вообще какой-либо типъ психическаго развитія, потому что не есть органически-жизнеспособное цѣлое. Такимъ образомъ дѣло сводится къ тѣмъ вариациямъ, которыя отклоняются отъ maximum не только по интенсивности психическаго подбора, но и по суммѣ матеріала переживаній.

Итакъ, относительно небогатый, но, какъ мы пока принимаемъ, разнообразный и разносторонній матеріалъ опыта, и относительно невысокій аффекціоналъ переживаній. Нѣкоторыя отрицательныя характеристики, вытекающія изъ этихъ условій, очевидны сразу, сами собой: это отсутствіе живого творчества фантазіи и сильной, неуклонной воли; первое, какъ мы видѣли, предполагаетъ интенсивный положительный, а второе—интенсивный отрицательный подборъ, которыхъ здѣсь не имѣется. Далѣе, психическое развитіе вообще здѣсь можетъ совершаться только медленно и вяло, потому что факторы этого развитія слабы; психика въ цѣломъ консервативна, но это не значитъ, чтобы входящіе въ нее комплексы и комбинаціи отличались прочностью. Въ психикахъ высшихъ типовъ прочность психическихъ формъ зависитъ, главнымъ образомъ, отъ широты и неразрывности ихъ ассоціативныхъ связей съ другими сложившимися психическими формами, а затѣмъ уже, въ меньшей мѣрѣ, отъ *прямой и непосредственной* связи съ повторяющимися воздѣй-

ствіями среды ¹⁾. Здѣсь же дѣло обстоитъ иначе. Ассоціативныя связи создаются психическимъ подборомъ; и тамъ, гдѣ онѣ относительно слабѣ, онѣ ограничиваются въ своемъ развитіи, не достигаютъ ни большой широты, ни особенной устойчивости. Поэтому большинство наиболѣе прочныхъ психическихъ комплексовъ въ подобной психикѣ бываетъ обязано своей прочностью не ассоціативнымъ связямъ, а именно повторяющимся воздѣйствіямъ среды; это устойчивость, выработанная суммированіемъ результатовъ слабого психического подбора въ длинномъ рядѣ извнѣ обусловленныхъ повтореній комплекса, это устойчивость *привычки*. Преобладающая роль привычныхъ психическихъ образовъ и актовъ—основная характеристика данного типа развитія.

Слабость положительнаго подбора и творчества фантазіи въ связи съ особеннымъ значеніемъ для такой психики прямыхъ и ближайшихъ вліяній среды обуславливаетъ *мелкій реализмъ*; а слабость отрицательнаго подбора и разрушающей критики въ связи съ узостью и неполнотой опыта вообще—*мелкій утопизмъ*: пошлая трезвенность и множество невысокихъ иллюзій, узкій практицизмъ и теоретическая наивность какъ нельзя лучше уживаются между собою.

Монистическая тенденція здѣсь не только имѣетъ для себя неблагоприятный матеріалъ въ видѣ недостаточнаго, неполнаго и потому сравнительно разрозненнаго опыта,—но и помимо того проявляется въ ослабленной степени, такъ какъ она всецѣло—результатъ психического подбора. Такимъ образомъ, *электизмъ* выступаетъ въ самыхъ очевидныхъ и наивныхъ формахъ: голова филистера, по словамъ Гейне, заключаетъ въ себѣ множество отдѣльныхъ ящичковъ, не сообщающихся между собою и содержащихъ въ себѣ каждый особую отрасль познавательныхъ матеріаловъ и практическихъ нормъ; каждый ящичекъ по мѣрѣ надобности отпирается, а затѣмъ снова запирается, и отпирается

¹⁾ Въ конечномъ счетѣ, всякая психическая форма является живенно прочной именно постольку, поскольку находится въ гармоническомъ соотвѣтствіи съ наиболѣе повторяющимися вліяніями среды (см. въ „Критикѣ чистаго опыта“ Авенаріуса главы о „Multiponiblen“). Но эта гармоническая связь въ психикѣ высшаго типа можетъ быть *косвенной*, и она всегда такова именно для высшихъ, монистически-организующихъ формъ (широкія обобщенія, напр.).

уже другой; нравственность такого филистера лежитъ совершенно отдѣльно отъ тѣхъ дѣловыхъ правилъ, которыми онъ руководится въ торговлѣ, семейныя добродѣтели отдѣльно отъ развратныхъ стремленій и привычекъ, теорія отдѣльно отъ практики и т. д. ¹⁾ Эту характерную безсвязность психической структуры особенно легко наблюдать, слушая оживленный разговоръ женщинъ мѣщанскаго типа: быстро переходя отъ одного предмета къ другому, онѣ ежеминутно мѣняютъ свои предпосылки, явно себѣ противорѣча и совершенно не замѣчая этого.

Въ зависимости отъ того, какая сторона психическаго подбора преобладаетъ, положительная или отрицательная, и насколько, получаютъ также различныя отгѣнки филистерскаго типа, болѣе оживленный, въ которомъ безхарактерность достигаетъ высшей степени, и болѣе суровый, съ отгѣнкомъ тупого упрямства—карикатурныя параллели къ «эллину» и «іудею». Но вообще типъ этотъ слишкомъ хорошо извѣстенъ, это выраженіе либо медленныхъ и вялыхъ процессовъ личнаго и классоваго развитія, либо выраженіе декаданса. Застойныя и вырождающіяся паразитическія группы общества доставляютъ его въ изобиліи. Въ застойныхъ группахъ преобладаетъ типъ болѣе опредѣленный, болѣе выработанный, болѣе уравновѣшенный—«мѣщанинъ», «обыватель»; въ группахъ деградирующихъ картина осложняется дезорганизаціей наличнаго психическаго матеріала, неустойчивостью, неуравновѣшенностью, импульсивностью, только безъ энергіи; зависитъ это отъ того, что матеріалъ жизни, данный предыдущими фазами, оказывается слишкомъ великъ и разнороденъ для слабой организующей тенденціи, порождаемой слабымъ подборомъ. Тутъ передъ нами выступаетъ дряблый, но мечущійся изъ стороны въ сторону въ «исканіяхъ того, чего нѣтъ на свѣтѣ» типъ декадента. Но это уже не типъ развитія, и не типъ равновѣсія, а типъ деградации; это нѣчто близкое къ тѣмъ нежизнеспособнымъ комбинаціямъ, на которыя мы указали въ началѣ этого параграфа.

Филистеръ и декадентъ—преобладающія фигуры реакціонныхъ классовъ и теченій.

¹⁾ Передаю мысль Гейне не въ точныхъ его выраженіяхъ, потому что случайно не имѣю подъ рукой книги; но ручаюсь за вѣрность передачи по существу.

VI.

Перейдемъ теперь къ такимъ вариациямъ, въ основѣ которыхъ лежитъ не равномѣрно-разносторонній, богатый или бѣдный, матеріалъ опыта, а *односторонне-суженный*, какъ это бываетъ особенно при различныхъ формахъ *спеціализаціи*. Мы имѣемъ въ виду не только спеціализацію технического или научнаго труда, но вообще всѣ тѣ случаи, когда по какимъ бы то ни было причинамъ область переживанія развертывается неравномѣрно, расширяясь особенно въ сторону одной какой-либо группы взаимно-связанныхъ, до известной степени однородныхъ комплексовъ опыта, соотвѣтственно суживаясь въ другихъ направленіяхъ. Въ этомъ смыслѣ, напр., житель полярной страны окажется односторонне-развитымъ по сравненію съ человѣкомъ изъ умѣреннаго пояса, потому что у перваго непропорціонально большое мѣсто среди жизненнаго матеріала занимаютъ переживанія, связанныя съ «зимой», «холодомъ» и т. д., тогда какъ область переживаній, относящихся къ «лѣту», «теплу» и т. д., соотвѣтственно уменьшена. Указывая это, я имѣю въ виду лишній разъ подчеркнуть *относительный* характеръ тѣхъ понятій, которыя примѣняются въ этомъ анализѣ: никакой абсолютной мѣры для maximum и minimum переживаній, для наибольшей и наименьшей интенсивности психического подбора, для широты и узости опыта мы не можемъ пока установить; а когда употребляемъ эти термины, то подразумеваемъ лишь относительныя величины, и тенденціи, связанныя съ ихъ измѣненіемъ въ ту или другую сторону.

Итакъ, передъ нами психика съ односторонне-развивающимся содержаніемъ, психика, напр., спеціализованнаго мануфактурнаго работника, или ученаго узкаго спеціалиста. Такъ какъ психическій подборъ не создаетъ ничего принципиально новаго, а только обрабатываетъ *данный* ему матеріалъ, то и его работа оказывается здѣсь фактически односторонне-направленною, — въ наибольшей мѣрѣ въ сторону организаціи тѣхъ *спеціальныхъ* переживаній, которыя преобладаютъ въ данной системѣ опыта. Переживанія эти, какъ мы указали, сравнительно однородны и уже съ самаго начала взаимно-близки въ потокѣ опыта, кромѣ того, представлены въ психикѣ съ большою сравнительно полнотою, гораздо менѣе разрозненно, чѣмъ другія сферы опыта; слѣдовательно процессъ организаціи происходитъ здѣсь при наиболѣе

благопріятныхъ условіяхъ, и легко создается относительно стройная и цѣлостная система ассоціацій; на низшихъ ступеняхъ развитія это, главнымъ образомъ, тѣсныя ассоціаціи по смежности, въ которыхъ выражается такъ называемое «непосредственное» ознакомленіе психики съ данной областью опыта; на болѣе высокихъ ступеняхъ — прогрессивный рядъ ассоціацій по сходству и различію (формъ обобщенія и различенія), такъ назыв. «систематическое» познаніе данной области, которое можетъ оказаться въ большей или меньшей степени «монистичнымъ», т.-е. законченно-объединеннымъ. Но все это только въ данной «спеціальной» области опыта; а въ другихъ не то.

Тамъ содержаніе опыта болѣе бѣдно и болѣе отрывочно; тамъ организующая тенденція находитъ для себя гораздо менѣе благопріятныя условія. Поэтому, если интенсивность психическаго подбора, особенно отрицательнаго, вообще не очень велика, то за предѣлами «спеціальности» господствуетъ безсвязность и эклектизмъ, что сближаетъ этотъ типъ съ «филистерскимъ». Особенно ясно выступаетъ такая черта въ представителяхъ «геллертерства» и «книгоѣдства», которые, живя довольно интенсивной жизнью въ одной узкой сферѣ, во всѣхъ остальныхъ поражаютъ блѣдностью и безцвѣтностью своей психики, и дѣтскостью формъ мышленія.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда психическій подборъ особенно интенсивенъ, а слѣдовательно организующая тенденція особенно сильна, дѣло происходитъ иначе. Тогда развитіе въ монистическомъ направленіи совершается, несмотря ни на что, но въ особой формѣ. Переживанія, относящіяся къ сферѣ «спеціализаціи» тогда, конечно, хорошо организованы, координированы въ стройную систему ассоціацій. Но, играя преобладающую роль въ данной области, переживанія эти проходятъ черезъ большую часть полей сознанія, при чемъ встрѣчаются съ переживаніями другихъ областей, сравнительно мало систематизированными. Такія встрѣчи при интенсивномъ психическомъ подборѣ ведутъ къ образованію болѣе или менѣе прочныхъ ассоціативныхъ связей между тѣми и другими переживаніями. Вначалѣ это, разумѣется, ассоціаціи только по смежности; но психическій подборъ, устраняя дисгармоничные и противорѣчивые элементы изъ комплексовъ, входящихъ въ такія ассоціаціи, преобразуетъ ихъ въ такомъ направленіи, что между ними оказывается все больше соответствія, и

изъ нихъ получаются уже высшія ассоціаціи—по сходству и затѣмъ по различію. При этомъ болѣе разрозненный матеріалъ изъ самыхъ различныхъ областей опыта, такъ сказать, включается въ сложившіяся, организованныя формы жизненно главной области «спеціального»; психическій подборъ *приспособляетъ* его къ этимъ формамъ, такъ какъ приспособляетъ вообще комплексы опыта одни къ другимъ, а въ данномъ случаѣ, естественно, въ большей мѣрѣ—комплексы менѣе выработанные и опредѣленные къ болѣе выработаннымъ и опредѣленнымъ, чѣмъ обратно. Тогда вся жизнь, весь опытъ довольно монистично представляются и мыслятся въ тѣхъ формахъ, которыя выработаны въ «спеціальной» области.

Примѣры такой организаціи опыта можно встрѣтить на каждомъ шагу. Торговецъ совершенно невольно всю человѣческую жизнь рассматриваетъ со своей специфически-мѣнливой точки зрѣнія, такъ что въ каждомъ дѣйствіи человѣка видитъ элементъ расчета на вознагражденіе, въ проявленіи альтруизма—покупку благодарности, въ героической борьбѣ—покупку славы и т. д. И это отнюдь не метафоры только ¹⁾. Иеремія Бенгамъ, воспитавшійся въ торговой атмосферѣ развивавшагося капитализма Англій, двже систематизировалъ эту «спеціальную» точку зрѣнія, и создалъ цѣлую практическую философію, построенную, въ сущности, на мѣнливомъ идеалѣ возможно выгодной сдѣлки съ реальностью жизни.—Точно такъ же работникъ, проводящій все свое трудовое время при машинахъ, естественнымъ образомъ бываетъ склоненъ къ механически-матеріалистическому міровоззрѣнію, которое укладываетъ всякую реальность въ рамки отношений, однородныхъ съ отношеніями частей механизма, и такова же въ массѣ случаевъ точка зрѣнія инженера, даже капиталиста, который еще близокъ къ своей фабрикѣ и проводитъ значительную часть времени среди своихъ машинъ. Юристъ, спеціальныи опытъ котораго организуется въ системѣ принудительныхъ нормъ, обыкновенно и нормы собственно-научнаго познанія—«законы природы»—представляетъ себѣ по типу формъ принужденія, и напр., причинную связь явленій склоненъ пони-

1) Систематическое употребленіе метафоръ изъ своей «спеціальной» области, характерное для всѣхъ „спеціалистовъ“, есть уже само по себѣ выраженіе процесса организаціи всего опыта въ формахъ опыта спеціального. Ибо слово и понятіе нераздѣльны, и метафора вноситъ новую окраску въ то понятіе, къ которому она примѣнена. См. „Философію мысли“, М. Мюллера.

мать, какъ особую принудительную силу, какъ стѣснительную для «свободы» необходимость. Такихъ примѣровъ можно было бы привести сколько угодно; и если не всегда, а только въ рѣдкихъ случаяхъ *все* мышленіе спеціалиста монистически организуется въ формахъ, выработанныхъ его спеціальностью, то нѣкоторый ея «отпечатокъ» оно носить всегда во всѣхъ областяхъ; а этотъ отпечатокъ и выражаетъ начальныя степени осуществленія указанной нами тенденціи.

Организація всей суммы личнаго опыта въ формахъ опыта спеціального можетъ иногда оказываться въ высшей степени жизненно-прогрессивной, въ другихъ случаяхъ, напротивъ, регрессивнымъ явленіемъ; но вообще, очевидно, она не въ силахъ дать максимумъ организованности опыта, а можетъ послужить только ступеню къ этому максимуму. Классовое разъединеніе общества означаетъ извѣстную «спеціализацію» опыта въ нашемъ смыслѣ; и потому есть всѣ основанія думать, что ни одно изъ современныхъ классовыхъ міровоззрѣній не будетъ достаточно широко для будущаго не-классоваго общества; но во всякомъ случаѣ міровоззрѣніе будущаго должно возникнуть изъ психологіи наиболѣе прогрессивнаго класса нашего времени, который для своей быстро расширяющейся жизни необходимо долженъ создавать наиболѣе гибкія, наиболѣе пластичныя, наиболѣе способныя къ развитію, формы объединенія опыта.

Что касается характера волевой жизни при условіяхъ спеціализаціи, то здѣсь выводы понятны сами собою. Чѣмъ большей организованностью отличается «спеціальныи» опытъ, тѣмъ больше послѣдовательности и цѣльности обнаруживается въ направленіи воли, поскольку она имѣетъ отношеніе къ этой области. Интенсивность же проявленій воли зависитъ и здѣсь отъ общихъ условій психическаго подбора—его энергіи и направленія въ ту или другую сторону. За предѣлами же сферы «спеціального», чѣмъ болѣе опытъ разрознень, а мышленіе эклектично, тѣмъ менѣе также единства и связи въ направленіи волевой жизни; вмѣстѣ съ тѣмъ и ея энергія вообще должна быть, сравнительно понижена. Такимъ образомъ въ своей спеціальной дѣятельности человекъ иногда проявляетъ величайшую цѣльность воли, достойную истиннаго «іудея»; и здѣсь такая цѣльность, благодаря узкой сферѣ и однородному характеру «спеціальныхъ» переживаній, достигается *особенно легко*, для нея не требуется исключи-

тельно сильнаго дѣйствія отрицательнаго подбора, а въ то же время внѣ спеціальной области человѣкъ оказывается вялымъ и слабымъ, какъ филистеръ. Таковы и были, какъ извѣстно, многіе великіе люди, мелкіе въ своей семейной и вообще частной жизни. Черты «іудея» и черты «филистера» — это и есть тѣ характеристики, къ которымъ всего болѣе тяготѣетъ жизнь «спеціалиста».

VII.

Нашими приведенными иллюстраціями, очевидно, далеко не исчерпываются возможные типы психическаго развитія, но мы и не имѣли въ виду ихъ исчерпывать—мы хотѣли только на примѣрахъ пояснить примѣненіе того метода, который предлагаемъ. Чтобы это примѣненіе могло быть научнымъ, познавательнопольезнымъ, надо ни на минуту не забывать, что всякіе типы развитія, которые мы путемъ даннаго метода устанавливаемъ, суть лишь *предѣльные абстракціи*, выражаютъ лишь *тенденціи приспособленія*, связанныя съ тѣми или иными варіаціями жизненныхъ условій. Такъ, положимъ, обрисовка типа «элина» говоритъ намъ слѣдующее: чѣмъ въ большей мѣрѣ богатство психическаго матеріала соединяется съ интенсивной жизнью «чувства», въ которой при этомъ радость и счастье господствуютъ надъ страданіемъ и горемъ, тѣмъ въ большей мѣрѣ развитіе психики вырабатываетъ въ ней такія-то и такія-то черты: живое творчество, съ преобладаніемъ фантазіи надъ «реализмомъ», благодушно-эклетическая окраска міровоззрѣнія, воля активная, но не устойчивая въ своемъ направленіи, и т. д., и т. д. Пользуясь такими формулами, мы можемъ шагъ за шагомъ анализировать конкретные жизненные типы, какіе находимъ въ дѣйствительности и въ искусствѣ; и одна уже ихъ «конкретность» ручается намъ за то, что они не совпадутъ съ нашими «чистыми» типами, которые получаютъ путемъ «абстракціи».

Во всякомъ конкретномъ типѣ встрѣчаются и взаимно перекрещиваются *различныя* тенденціи развитія, выражаемыя типами абстрактными, потому что *идеально-простыя условія* никогда не находятъ себѣ мѣста въ «дѣйствительности», но только — въ «отвлекающей» и «анализирующей» дѣятельности познающаго. Задача психо-генетическаго «объясненія» того или иного «конкретнаго» типа заключается именно въ томъ, чтобы путемъ ана-

лиза объективныхъ условій его развитія установить связь и соотношение различныхъ тенденцій психическаго развитія, необходимо вытекающихъ изъ даннаго сочетанія условій.

Намъ слѣдуетъ иллюстрировать свою точку зрѣнія, но недостатокъ мѣста заставляетъ насъ ограничиться только однимъ приѣмъромъ, и мы избираемъ такой, который по содержательности можетъ замѣнить множество ихъ: психологія шекспировскаго Гамлета.

Что такое Гамлетъ? Прежде всего, не подлежитъ сомнѣнію, что это индивидуальность чрезвычайно высокаго типа. Судьба дала Гамлету оба основныя условія для достиженія maximum жизни: громадное богатство первичнаго психическаго матеріала, въ видѣ массы разнообразныхъ впечатлѣній дѣтства, проведеннаго въ блестящей обстановкѣ двора, и юности, весело и содержательно прожитой въ студенческихъ странствованіяхъ по Германіи и научныхъ занятіяхъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ чуткую и впечатлительную натуру, глубоко воспринимающую все, что приноситъ опытъ, интенсивно-эмоціональную, способную къ высшимъ наслажденіямъ и къ сильнымъ страданіямъ. Но до самаго начала трагедіи страданій было очень мало, а счастья очень много: любовь родителей, любовь женщинъ, веселые товарищи, общее уваженіе и поклоненіе, много даже лести, наконецъ, полная свобода развитія, цѣлый міръ интеллектуальныхъ и эстетическихъ наслажденій. Ясно, что изъ Гамлета долженъ былъ выработаться настоящій «эллинь» — тонкая артистическая натура, полная творчества и блеска, но и съ неизбежными недостатками артистическихъ натуръ. Недостатки эти мы знаемъ, они вытекаютъ изъ слабости отрицательнаго подбора, могучая гармонизирующая сила котораго въ образѣ страданія здѣсь слишкомъ рѣдко вмѣшивается въ психическое развитіе, слишкомъ неполно его контролируетъ. Въ Гамлетѣ мало суроваго реализма, — рожденія собственной психической работы часто заслоняютъ отъ него дѣйствительность; ему не хватаетъ цѣльности — въ немъ много благодушнаго эклектизма, соотвѣтственно этому волѣ его не хватаетъ устойчивости, неуклонности, единства направленія.

Что у Гамлета есть всѣ положительныя черты артистической натуры, это врядъ ли надо доказывать — столько живыхъ образовъ, столько блеска въ его рѣчахъ даже при самыхъ невеселыхъ обстоятельствахъ. А на отрицательныхъ чертахъ «эллинскаго»

типа построена, въ сущности, вся трагедія. Только недостаткомъ твердаго и трезваго реализма можно объяснить сомнѣнія и колебанія Гамлета относительно самаго факта преступленія, тогда какъ очевидныя доказательства налицо. Онъ не можетъ не вѣрить имъ, когда они прямо и рѣзко вступаютъ въ поле его сознанія; но чуть впечатлѣніе сгладилось — его живая фантазія впутывается въ дѣло и услужливо создаетъ и подбираетъ новые образы и комбинаціи, болѣе утѣшительные, и при помощи разныхъ «можетъ быть» затуманиваетъ и подвергаетъ сомнѣнію то, что слишкомъ мрачно, но также—увъы!—слишкомъ реально. И эклектизмъ Гамлета, недостатокъ цѣльности въ его взглядѣ на вещи сказывается на каждомъ шагу въ быстрой смѣнѣ одной точки зрѣнія другою, въ сущности, съ ней несовмѣстимою. А неустойчивость направленія воли, отсутствіе практической послѣдовательности и неуклонности—вѣдь это и есть та черта, которая обозначается нарицательнымъ именемъ «гамлета».

Хотя въ эллинской натурѣ и недостаточно монизма, но все же въ ней нѣтъ и хаоса. Организующая тенденція въ ней не такъ сильна, какъ тенденція къ полнотѣ жизни; но все же и первая отнюдь не ничтожна. Отрицательный подборъ неизбеженъ въ жизни; страданія есть и у самаго счастливаго человека, и ихъ вовсе не такъ мало. Страданія органическаго развитія, неясныхъ и неудовлетворенныхъ порывовъ, боль разлуки съ близкими—все это было въ жизни Гамлета. Были и физическія страданія: вѣдь, судя по характеристикѣ, которую даетъ королева его физической организаціи, эта послѣдняя хотя и очень сильна, однако далеко не вполне гармонична. Наконецъ, Гамлетъ много работалъ; а трудъ, какъ затрата энергіи, эквивалентенъ страданію, и обусловливаетъ отрицательный подборъ¹⁾. Поэтому монистическая тенденція хотя и не довела психику Гамлета до полнаго единства, однако была достаточна, чтобы организовать ее въ нѣсколько, очень немного основныхъ «единствъ», монистическихъ ассоціативныхъ группировокъ. Насколько можно судить по высказываніямъ Гамлета, такихъ группировокъ всего *двѣ*: его натура страдаетъ «раздвоенностью».

1) Отношеніе *труда* къ психическому подбору представляетъ громадный теоретическій и практический интересъ, и я надѣюсь еще специально заняться выясненіемъ этого вопроса впоследствии.

Каково же содержаніе этихъ двухъ конкурирующихъ группировокъ? Гамлетъ, прежде всего, сынъ великаго воина и потомокъ страшныхъ норманнскихъ витязей. Масса впечатлѣній его дѣтства связана съ войной и военной славой; несомнѣнно, что все его домашнее воспитаніе, начиная съ безчисленныхъ рассказовъ о походахъ и подвигахъ, кончая постоянными упражненіями со всякимъ оружіемъ, направлено было именно къ тому, чтобы сдѣлать его воиномъ въ полномъ смыслѣ слова. И юношей онъ не перестаетъ, конечно, интересоваться военнымъ дѣломъ и заниматься всѣмъ, что къ нему относится; онъ, навѣрное, хорошо изучилъ стратегію и всю теорію войны, а по его фехтованью можно судить, насколько ему близка ея практика. — И такъ, Гамлетъ — воинъ; это одна стороны его психологіи, одна систематическая группировка его переживаній.

Другая сторона: Гамлетъ эстетикъ, артистъ, вѣроятно — поэтъ. Гамлетъ — юноша жилъ полной и свѣтлой жизнью въ сферѣ искусства, красоты, любви. Какое глубокое эстетическое воспитаніе обнаруживается въ его бесѣдѣ съ актерами и въ тонкомъ изяществѣ многихъ его насмѣшливыхъ замѣчаній! Сколько поэзіи должна была внести въ его душевную жизнь юношески-свѣжая, чистая и счастливая любовь къ Офеліи! Гамлетъ-эстетикъ слишкомъ долго жилъ въ атмосферѣ гармоніи, и эта атмосфера стала для него жизненной необходимостью; но гармонія есть дѣло счастья, исключительнаго счастья въ наши суровыя времена, — и подъ ея дыханіемъ вырастаютъ слишкомъ нѣжные, тепличныя растенія; а когда счастію приходитъ конецъ, печальная судьба предстоитъ нѣжному растенію.

Двѣ личности Гамлета — воинъ и эстетикъ — могли уживаться хорошо, пока борьба, кровавая и безпощадная, существовала для него только въ воображеніи да въ воинскихъ забавахъ: въ представленіяхъ юноши война эстетична, какъ величественное столкновеніе грозныхъ силъ, и Гамлетъ-эстетикъ могъ находить наслажденіе въ воинственныхъ мечтахъ Гамлета-воина, война пока еще въ возможности, а не въ реальности. Но когда суровую борьбу приходится *переживать*, то эстетикъ плохо. Получать удары больно, а разрушать чужую жизнь для впечатлительной, тонкой натуры еще больнѣе; и еще если бы тутъ текла одна чистая кровь, эстетика было бы легче, — но кровь смѣшивается съ грязью, а раны чаще всего отвратительны и неопрятны. Тутъ

надо хитрить, подстергать, обманывать,—а это очень не эстетично. Быть все время въ напряженномъ состояніи, какъ требуетъ борьба, для нѣжной души мучительно: гармонія жизни возможна только тогда, когда за растратой силъ идетъ исцѣляющій отдыхъ, а непрерывное утомленіе убиваетъ всякую гармонію.—Для Гамлета дѣло обстоитъ еще хуже, борьба несетъ для него еще больше противорѣчій, еще сильнѣе обостряетъ разладъ между его боевой и его эстетической личностью: врагами оказываются самые близкіе ему люди: мать, которую онъ обожалъ, и дядя, котораго онъ уважалъ и любилъ. Что можетъ вызвать въ душѣ болѣе мучительную дисгармонію, чѣмъ превращеніе любимаго существа въ объектъ ненависти и отвращенія?

Духъ отца постоянно будитъ въ Гамлетѣ воина, вся обстановка ежеминутно воскрешаетъ въ немъ эстетика. Воинъ хочетъ наносить удары, эстетикъ отступаетъ передъ кровью и грязью. Жажда мести сталкивается съ жаждой гармоніи—въ этомъ смыслъ всей трагедіи; колебанія Гамлета, его непрерывная рефлексія—это долгіе бесплодные переговоры между одной его личностью, которая хочетъ борьбы, и другой, которая хочетъ любви и счастья. Первая—личность недоразвитая, потому что *реально* жить жизнью борца Гамлету еще не приходилось; вторая развита вполнѣ, потому что жизнью артиста и любящаго человѣка онъ жилъ въ дѣйствительности и много. Но за первой личностью стоитъ *развивающаяся* дѣйствительность, новыя и новыя воздѣйствія «среды», которыя будятъ въ Гамлетѣ борца; за второй же—только воспоминанія и грезы; первую выдвигаетъ «объективный» ходъ вещей, вторую—поддерживаютъ «субъективныя» желанія и стремленія. Гамлетъ-эстетикъ во всякомъ случаѣ долженъ погибнуть или потерять свою самостоятельность; вопросъ въ томъ, уцѣлѣетъ ли Гамлетъ-боецъ.

И тутъ передъ нами выступаетъ въ полномъ своемъ выраженіи великая гармонизирующая сила страданія. Для такой натуры, какъ Гамлетъ, душевныя муки—это тяжелый, но благотѣльный молотъ, который выковываетъ душу въ новыя, высшія формы. Отрицательный подборъ, который уничтожаетъ или разлагаетъ всякую непрочную, ирреальную или дисгармоническую комбинацію, освобождая мѣсто для комбинацій, имѣющихъ прочныя реальныя основы и жизненно-гармоничныхъ, которыя онъ не въ силахъ разрушить, отрицательный подборъ вносить въ психику

Гамлета то, чего ей не доставало: строгую реально-монистическую тенденцію. Въдѣ недостатокъ цѣльности въ организациі элина и чрезмѣрно-большая роль фантазіи зависятъ именно отъ того, что счастье и положительный подборъ слишкомъ сильно преобладаютъ надъ страданіемъ и отрицательнымъ подборомъ; трагедія, протекающая въ душѣ Гамлета, устраняетъ *эту* неравномѣрность, и тѣмъ самымъ создаетъ условія для перехода элинскаго типа въ еще болѣе высокій, тотъ, который мы назвали «идеальнымъ». Герой шагъ за шагомъ на глазахъ зрителя становится другимъ человѣкомъ.

Разрушеніе старыхъ координацій въ психикѣ Гамлета идетъ, благодаря его ужаснымъ страданіямъ, такъ быстро, что образованіе новыхъ не поспѣваетъ за нимъ, и наступаетъ даже періодъ временной дезорганизациі — душевная болѣзнь Гамлета, гораздо менѣ «притворная», чѣмъ онъ самъ, повидимому, полагалъ. Но могучая душа выживаетъ — и въ концѣ пьесы передъ нами выпрямляется во весь ростъ Гамлетъ-боецъ, спокойный и рѣшительный, съ яснымъ взглядомъ и твердой волей. Что же стало съ Гамлетомъ-эстетикомъ? Онъ не умеръ, онъ органически слился съ другой душой Гамлета. Жажда гармоніи въ жизни нашла себѣ новый выходъ, она внутренне преобразовалась: изъ пассивнаго желанія *жить* среди гармоніи она перешла въ активную волю *создать* гармонію въ жизни, наказавши преступленіе и возстановивши справедливость. Сознательный боецъ за право и справедливость—это и есть активный эстетикъ, стремящійся къ жизненной гармоніи въ человѣческихъ отношеніяхъ. Теперь психика Гамлета чужда всякаго дуализма, и воля не ослабляется внутренней борьбой. Онъ уже не сокрушается о томъ, что именно ему приходится возстановлять «разрушенную связь вещей»: онъ твердымъ шагомъ идетъ къ разрѣшенію этой задачи, достойной истиннаго воина и истиннаго эстетика.

Гамлетъ гибнетъ, но гибнетъ какъ побѣдитель, выполнивъ свое дѣло. Гибнетъ онъ, конечно, не случайно, а именно потому, что за время его внутренней борьбы, которая не давала ему цѣлесообразно вести борьбу внѣшнюю, объективныя условія, условія «среды» сложились въ самую неблагоприятную для него сторону: враги не бездѣйствовали, и пустили въ ходъ всѣ средства. Но Гамлетъ все же сильнѣе—и даже при этихъ условіяхъ онъ увлекаетъ ихъ въ своей гибели; уже умирая, онъ не забы-

ваеъ возстановить послѣднее звено «разрушенной связи», и съ геніальной простотой выполняетъ это, назначая своимъ наслѣдникомъ молодого героя чужой страны, надежнаго и цѣльнаго человека—принца Фортинбраса.

Итакъ, вотъ сущность трагедіи: это исторія преобразованія эллинской души въ иную, болѣе законченно-цѣлостную форму силою мучительной борьбы, силою глубокихъ страданій.

Ничего принципиально загадочнаго для нашей точки зрѣнія трагедія Гамлета не представляетъ: она всецѣло соотвѣтствуетъ въ своемъ развитіи законамъ дѣйствія психическаго подбора; она самое авторитетное свидѣтельство въ пользу ихъ познавательной цѣнности.

Изслѣдовать при помощи тѣхъ же принциповъ развитіе всякой иной, болѣе «обыденной» психики, разумѣется, несравненно легче, и это изслѣдованіе—мы глубоко убѣждены—также мало приведетъ насъ къ противорѣчію съ положенной въ его основаніе идеей. Идея психическаго подбора одна въ силахъ дать надежную основу для психо-генетическаго познанія, и сдѣлать психологію въ настоящемъ смыслѣ слова «естественной» и «исторической» наукой.

А. Богдановъ.